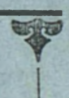

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ,

какъ категорія

капиталистическаго строя.

КАЗАНЬ.

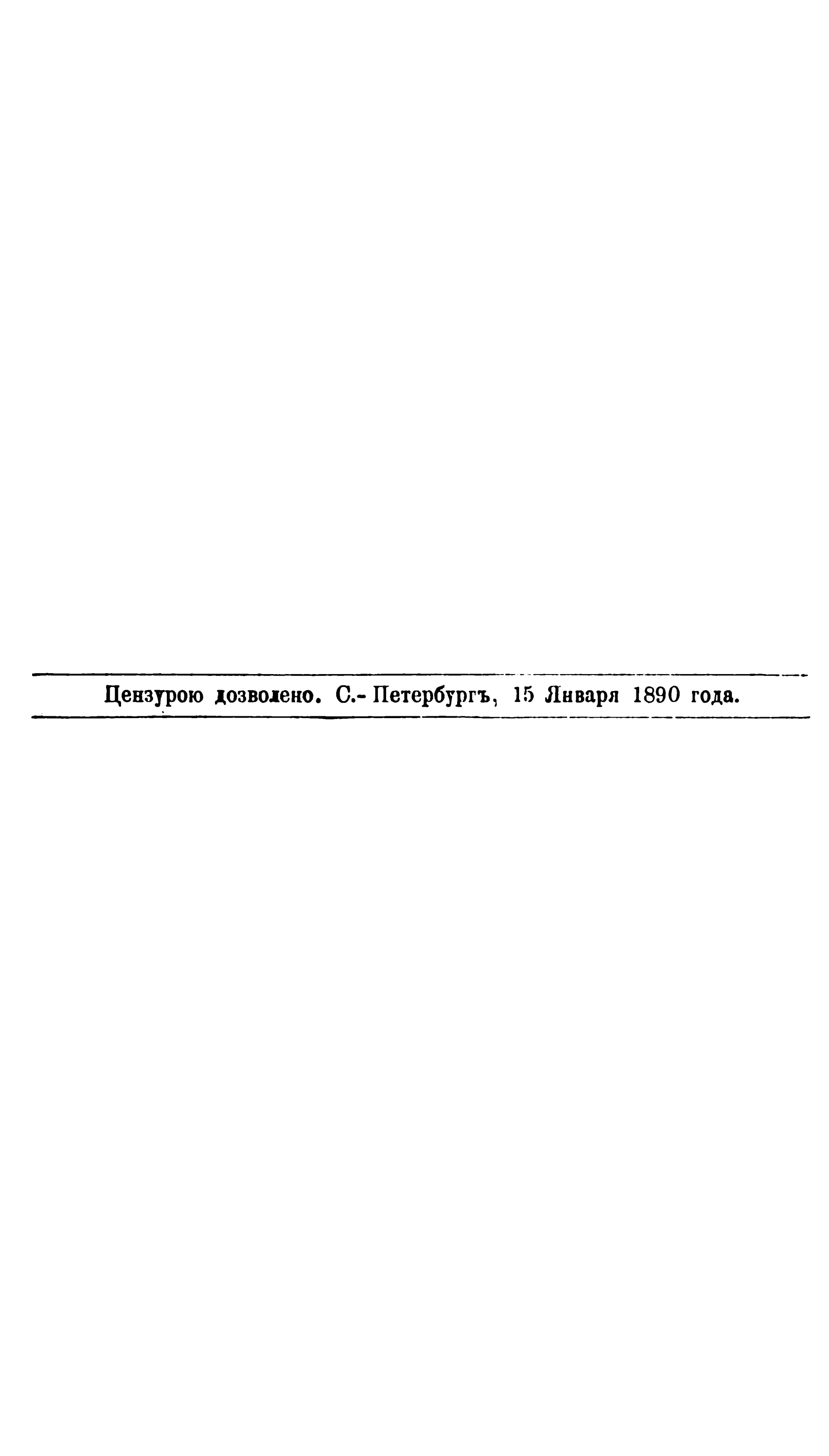
ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1890.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ,

КАКЪ КАТЕГОРІЯ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

Цензурою дозволено. С.-Петербургъ, 15 Января 1890 года.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ,

КАКЪ КАТЕГОРІЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

I.

Необходимыя оговорки.

Положеніе интеллигенціи. Гипотетическій методъ.

Европейская и русская интеллигенція, хотя и вслѣдствіе разныхъ причинъ, находится въ одинаково-тяжеломъ положеніи. Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній ежегодно выбрасываются на улицы тысячи людей съ дипломами, знаніями, головой, а главное съ желудками. Кровообращеніе страны раньше быстро засасывало каждый приливъ, окончившей профессіональное образованіе, молодежи. Но съ нѣкоторыхъ поръ машина стала замѣтно портиться. Поршень соціальнаго организма дѣйствуетъ съ прежней энергіей и ежегодный ритмъ его по прежнему выноситъ тысячи здоровыхъ, энергичныхъ и образованныхъ людей, но увы, когда поршень уходитъ въ глубь, онъ уже не можетъ поглотить всѣхъ, предлагающихъ свои услуги и масса незанятыхъ рукъ остается на поверхности, а между тѣмъ новый ритмъ выбрасываетъ новыхъ конкуррентовъ и т. д. до безконечности. Печальное положеніе въ настоящемъ, тяжелое и безпроствѣтное въ будущемъ! Пора интеллигенціи серьезно заняться своимъ положеніемъ, пора связать его съ общими экономическими феноменами, а не отдѣлываться пустой, фельетонной болтовней. Къ сожалѣнію здѣсь, какъ и вездѣ, оправдалась поговорка: «трудно быть судьей въ собственномъ дѣлѣ». Интеллигенція, разрѣшая свой

собственный вопросъ, больше декламировала, чѣмъ спорила и чаще спорила, чѣмъ серьезно аргументировала. Объективнѣе отнеслась она къ общимъ вопросамъ пролетаріата. Классическая экономія дала прекрасный анализъ трехленнаго распредѣленія продукта, анализъ стоимости, прибыли, ренты и рабочей платы. Соціализмъ дополнилъ этотъ анализъ, начисто отдѣлалъ его, освободилъ отъ вульгарныхъ представленій. Въ лицѣ Маркса, какъ своего наиболѣе типическаго представителя, научный соціализмъ пошелъ дальше. Онъ нарисовалъ схему, по которой долженъ катиться капиталистическій строй и его классы. Онъ предсказалъ судьбу капитала и судьбу труда. Схема Маркса гипотетична, но законна въ предѣлахъ законности гипотетическаго метода, а этотъ именно методъ далъ политической экономіи мѣсто среди наукъ въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. наукъ номологическихъ. Политическая экономія спекулируетъ не съ реальными величинами. Гипотетичны ея земля, ея капиталъ и трудъ. Самъ основной предметъ ея спекуляцій—человѣкъ и его экономическія отношенія не существуютъ въ жизни такими, какими ихъ представляетъ себѣ политическая экономія. Но что же изъ этого?

Развѣ есть наука, воображаемыя величины которой совпадали бы вполнѣ съ жизненными? развѣ самая точная изъ всѣхъ наукъ, математика не сознается, что ея линій, имѣющихъ лишь одно измѣреніе, ея круговъ, всѣ точки окружности которыхъ находились бы въ одинаковомъ разстояніи отъ центра, мы никогда не можемъ достигнуть. Однако это не мѣшаетъ математику измѣрять площадь нарисованнаго круга и говорить, что вычисленная величина безконечно тяготѣетъ къ реальной, что чѣмъ правильнѣе кругъ, тѣмъ ближе совпаденіе.

Даже прекладныя науки, напримѣръ механика, отвлекаютъ основныя силы и изслѣдуютъ ихъ такъ, какъ если бы онѣ были единственными. Добытыя ею такимъ образомъ, истины составляютъ предметъ абстрактной механики. Онѣ имѣютъ значеніе какъ общія основныя вліянія, сказывающіяся въ боль-

шихъ цифрахъ, какъ среднiй законъ дающiй себя знать чрезъ безконечное число отклоненiй. Но если мы хотимъ вычислить дѣйствiе отдѣльной машины, мы должны возвратить ей свойства, которыя первоначально предположили несуществующими, но которыя ей прирождены. Абстрактную, невѣсомую машину мы должны возстановить въ ея плоть и кровь. Контъ совершенно вѣрно думаетъ, что это «востановленiе и составляетъ нашу главную трудность». Перейти отъ абстрактной механики къ конкретной трудно, отъ абстрактной экономiи къ конкретной еще труднѣе, отъ абстрактной соцiологiи къ конкретной совершенно невозможно, или, по крайной мѣрѣ, еще очень долго будетъ невозможно.

Поэтому дѣленiе соцiологiи на абстрактную и конкретную и точное разграниченiе сферы обѣихъ было бы для науки въ высшей степени плодотворно. Абстрактная соцiологiя въ ея современномъ положенiи обладаетъ единственнымъ методомъ изслѣдованiя—гипотетическимъ.

Подъ страхомъ затеряться въ безконечномъ лабиринтѣ случайностей, она должна считаться только съ коренными взаимодѣйствiями общественныхъ силъ, уединять ихъ. Выведенные законы будутъ общи и могутъ терпѣть въ жизни безконечное число отклоненiй. Если мы хотимъ примѣнить ихъ къ тому или другому жизненному явленiю, то должны «возвратить тѣламъ дѣятельныя свойства, которыя имъ прирождены, но которыя мы предположили не существующими». Операцiя перехода отъ абстрактной соцiологiи къ конкретной должна быть произведена крайне осторожно, на основанiи строго научнаго наблюденiя (преимущественно статистическаго). Поступать иначе, переносить начала абстрактной экономiи въ жизненныя законы конкретной—значитъ производить невообразимый хаосъ какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Представьте себѣ только картину: талантливый, но пылкiй послѣдователь Рикардо является на биржу; съ пылающимъ лицомъ начинаетъ онъ доказывать биржевымъ маклерамъ, что они напрасно играютъ на вздорожанiе каменнаго угля; нѣтъ повода думать, что стоимость его производства повысится.

Какъ примутъ маклера эту неожиданную проповѣдь? Чѣмъ они отвѣтятъ? Смѣхомъ.

Политическая экономія гораздо добродушнѣе маклеровъ. Она любезно уступаетъ свои страницы подъ такой анализъ научныхъ вопросовъ, мѣсто которому на рынкѣ, на биржѣ— гдѣ хотите, но только не въ ученыхъ работахъ. Много споровъ происходитъ отъ того, что люди съ несомнѣнными спекулятивными способностями, вмѣсто того, чтобы извлекать на биржѣ барыши, занимаются ихъ научнымъ обоснованіемъ.

Но и защитники гипотетическаго метода сами отчасти виноваты въ томъ, что онъ еще не получилъ всеобщаго признанія. Они склонны преувеличивать значеніе этого метода.

Путемъ гипотетическаго метода мы можемъ, напримѣръ, прійти къ заключенію, что война *вообще* вредна.

Переводчикъ и коментаторъ Милля выводитъ отсюда, что всякая *данная* война непремѣнно должна быть для страны вредна. Иллюстрируемъ его ошибку на доступномъ для всѣхъ примѣрѣ. При лоттереѣ всѣ въ общей сложности должны проиграть, иначе не было бы разсчета устраивать ее. Но развѣ можно вслѣдствіе этого съ увѣренностью сказать, что извѣстное лицо непремѣнно вынетъ несчастный билетъ. Благодаря гипотетическому методу, мы можемъ предсказать побѣду четвертаго сословія. Мы не ошибемся. Вся исторія права идетъ къ постепенному ограниченію объектовъ собственности и рано или поздно наступитъ время, когда орудія производства не будутъ находиться въ исключительномъ обладаніи. Поэтому мы смѣло можемъ заключить о торжествѣ четвертаго сословія. Но было бы въ высшей степени рисковано на основаніи общаго гипотетическаго вывода о торжествѣ четвертаго сословія заключать, что деказвильская стачка окончится успѣшно для труда. Множество второстепенныхъ силъ нужно принять во вниманіе, если мы хотимъ разсмотрѣть не тенденцію времени, не судьбу пролетаріата, а частное явленіе: деказвильскую стачку.

Въ предлагаемой работѣ мы придерживаемся строго гипотетическаго метода, а потому и сочли нужнымъ оговориться о предѣлахъ его законности. Мы не утверждаемъ, что судьбы интеллигенціи выльются въ тѣ схемы, которыя мы начертали. Это не болѣе какъ возможность, на ряду съ которой мы легко представляемъ себѣ десятки другихъ. Но въ качествѣ тенденціи времени, наша схема имѣетъ полное право на научную достовѣрность. Мы просимъ читателя ни одной минуты не забывать этой оговорки. Если принципъ капитализма вполнѣ воплотится въ историческихъ формахъ, тогда судьбы интеллигенціи стремятся быть приблизительно такими, какими мы ихъ изобразили. Произойдетъ ли это на самомъ дѣлѣ, много ли времени потребуетъ предсказываемый переходъ и въ какія формы онъ облечется—все это вопросы конкретной соціологіи, на которые мы напрасно стали бы ждать отвѣта у гипотетическаго метода.

Еще одно предварительное замѣчаніе.

Европа и Россія находятся на различныхъ стадіяхъ экономическаго и соціальнаго развитія. Въ западной Европѣ общественные классы рѣзко выдѣлились и блестящій лучъ анализа Маркса на далекомъ пространствѣ освѣтилъ ихъ поступательное шествіе. Россія теперь находится на распутьи. Какъ пойдетъ ея дальнѣйшее развитіе, обязательно ли для общины искупить грѣхи свои въ горнилѣ капитализма, чтобы выйти оттуда очищенной въ высшей соціалистической формѣ; минуетъ ли насъ тяжелая чаша искупленія—все это вопросы,—отвѣты на которые можно почерпать пока въ области вѣры, а не изъ строго научнаго убѣжденія. Поэтому въ своей работѣ мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду Европу. Каждый разъ, когда приходится говорить о Россіи, мы спеціально на это указываемъ.

Вотъ и все о чемъ мы хотѣли предварительно условиться съ читателемъ, прежде чѣмъ вводить его въ сложный лабиринтъ капиталистическаго строя.

Теперь въ дорогу!

II.

Стоимость интеллигентнаго труда. Имѣетъ ли интеллигентный трудъ стоимость? Опредѣленіе величины ея. Отношеніе стоимости къ историческимъ категоріямъ.

На самомъ порогѣ нашего изслѣдованія мы должны сдвинуть своего рода философскій камень, которымъ предыдущіе писатели загромоздили входъ въ храмъ истины. Имѣютъ ли продукты интеллигентнаго труда стоимость? Производителенъ ли интелигентный трудъ?

Прежде разрѣшенія этихъ вопросовъ, постараемся точно условиться относительно терминовъ. Оговорка тѣмъ болѣе необходимая, что мы не намѣрены устанавливать основныя положенія стоимости, цѣнности, цѣны, а будемъ принимать ихъ, какъ уже выработанные догматы.

Стоимость предмета «есть необходимое, присущее процессу образованія товара, отношеніе къ общественному рабочему времени» *).

Уже изъ этого опредѣленія Маркса можно видѣть, что стоимость есть внутренее качество предмета, не зависящее ни отъ условій рынка, ни отъ условій сопоставленія его съ какой либо другой вещью. Стоимость образуется, выковывается внутри мастерской. На рынокъ она выступаетъ, закутанная въ плащъ мѣновой цѣнности. Общественно—необходимое время, выраженное въ продуктѣ. при оцѣнкѣ его на другой товаръ, даетъ мѣновую цѣнность. Но когда стоимость товара любуется на себя не въ шероховатой поверхности другаго такого же профаническаго товара, а въ гладкой поверхности денежнаго металла, отъ его отраженія получается цѣна. Если мнѣ нужно или хочется, что нибудь знать, а изученіе предмета требуетъ времени и труда, стоимость этого знанія будетъ равна количеству потраченнаго мной вре-

*) Марксъ. Капиталъ 49 стр.

мени. Выводъ этотъ строго вытекаетъ изъ цитированнаго опредѣленія Марксомъ стоимости. Тѣмъ не менѣе знаменитый авторъ «капитала» пытается доказать, что въ изолированномъ хозяйствѣ Робинзоновскаго острова продукты интеллигентнаго труда не имѣютъ стоимости. «Робинзонъ появляется на своемъ островѣ, разсуждаетъ Марксъ. У него разнообразныя потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ долженъ производить необходимыя работы различнаго рода; дѣлать инструменты, фабриковать мебель, охотиться, ловить рыбу. О чтеніи мы не говоримъ, потому, что нашъ Робинзонъ находитъ въ немъ удовольствіе и разсматриваетъ эту дѣятельность как отдыхъ» *).

Робинзонъ находитъ въ чтеніи удовольствіе—это дѣлаетъ ему честь, но это доказываетъ только, что онъ не занимается умственнымъ трудомъ до переутомленія. Охота можетъ также доставить удовольствіе не только Робинзону, но и намъ съ вами читатель и, однако Марксъ не лишитъ настрѣлянныхъ нами утокъ ихъ новой души—стоимости.

Робинзонъ на чтеніе смотритъ какъ на отдыхъ. Читая, онъ отдыхаетъ отъ мускульной работы. Но развѣ, вырубая себѣ постель, онъ не отдыхаетъ отъ умственнаго утомленія, результата изученія цѣлебныхъ травъ? Вопросы эти слишкомъ хорошо знакомы русскому читателю для того, чтобы я долженъ былъ далѣе останавливаться на нихъ. Самъ Марксъ, сопоставляя взгляды Смита и анонимнаго автора на трудъ, какъ на образователя стоимости, отдаетъ предпочтеніе взглядамъ послѣдняго. «Смитъ предчувствуетъ, говоритъ онъ, что работа насколько она проявляется въ стоимости товаровъ, имѣетъ значеніе только обнаруженія труда, но понимаетъ это обнаруженіе опять таки какъ жертву спокойствіемъ, свободой и счастіемъ, а не какъ нормальную жизнедѣятельность» **). Понятно, почему Марксъ склоняется на сторону

*) Kapital. 48 стр. 3 изданіе.

**) Зиберъ, „Рикардо и Марксъ“ стр. 165.

анонимнаго предшественика Смита. Стоимость въ хозяйствѣ Робинзоновскаго острова, имѣетъ практическое значеніе регулятора производства. Робинзонъ располагаетъ рабочимъ днемъ въ 14 часовъ. Комбинируя ихъ, онъ долженъ по возможности удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. 14 часовъ своего труда онъ будетъ распредѣлять между удовлетвореніемъ умственныхъ и физическихъ сторонъ своей природы, безразлично относясь къ тѣмъ и другимъ Сравнительная настоятельность потребностей и количество часовъ нужныхъ для ихъ удовлетворенія—вотъ первобытный инвентарь Робинзона.

Также непослѣдователенъ нашъ переводчикъ Милля. Съ самаго начала своей работы, онъ прочно пытается установить положеніе, что непріятность не есть нѣчто присущее труду по самой природѣ вещей. Непріятность связана съ трудомъ исторической, а не логической категоріей. Вещь можетъ стоить два часа пріятнаго труда или непріятнаго—это безразлично. Во второмъ томѣ своей работы нашъ знаменитый экономистъ однако измѣняетъ себѣ. Онъ отказывается признать стоимость за продуктами труда артиста, потому, что этотъ трудъ только и хорошъ, когда доставляетъ ему наслажденіе.

Милль отказывается признать за интеллигентнымъ трудомъ стоимость на томъ основаніи, что онъ не создаетъ матеріальнаго богатства.

«Непроизводительный трудъ, говоритъ Милль *), у меня будетъ называться трудъ, не имѣющій своимъ окончательнымъ результатомъ созданіе матеріальнаго богатства». Критеріумомъ здѣсь служитъ такой несущественный признакъ какъ способность или неспособность труда къ кристализаціи. Смотря потому, имѣетъ ли экономическое благо кромѣ души—стоимости еще и тѣло-матерію, Милль называетъ его производительнымъ или непроизводительнымъ. Но мы знаемъ, что для понятія экономическаго блага тѣло несущественно;

*) Милль. „Основаніе политической экономіи“ I т. стр. 64.

важна душа, важна стоимость, а она есть и въ произведеніяхъ актера, музыканта, чтеца. Человѣкъ, прослушавшій пѣвца не становится богаче, говоритъ Милль, но онъ былъ бы таковымъ, если бы купилъ пальто. Да, но съ другой стороны, слушатель оперы уже удовлетворилъ своей потребности. Когда хозяинъ пальто износитъ его онъ точно также не будетъ богаче. «Но онъ былъ богаче хотя одну минуту», защищается Милль. Это для дѣла не важно.

Еще менѣе удачна попытка коментатора Милля причислить большую часть интеллигентнаго труда къ непроизводительному, на основаніи чисто субъективнаго начала сравнительной настоятельности потребностей Производительный трудъ есть трудъ, затраченный на удовлетвореніе существенныхъ потребностей; непроизводительный на удовлетвореніе роскоши. Подобная классификація есть попытка внести субъективный элементъ въ оцѣнку экономическихъ феноменовъ. Законная въ области нравственной философіи, она лишаетъ основный экономическій феноменъ—трудъ, его существенной характерной особенности—создавать стоимость Крестьянинъ среди своего поля, каменьщикъ, созидающій дворецъ, школьный учитель, окруженный крестьянскими ребятишками, Плевако на адвокатской трибунѣ—все это работники производительные.

Нельзя вмѣстѣ съ Миллемъ выдѣлить въ одну категорію крестьянина и каменьщика; нельзя вмѣстѣ съ его коментаторомъ противоположить крестьянина и учителя дворцовому каменьщику и Плевако. Всѣ равно производительные работники. Трудъ нѣкоторыхъ безполезенъ для общества, иногда прямо вреденъ—это безразлично. Это не мѣшаетъ ему имѣть цѣнность на рынкѣ. Обществу нѣтъ дѣла до того, какое значеніе придаетъ философъ-моралистъ извѣстной потребности. Мы живемъ не въ царствѣ разума, а въ царствѣ золота. Платежныя средства и только они опредѣляютъ законность потребности.

Да и кто компетентенъ устанавливать требованія разума и морали? неужели утопистъ—ученый не знающій ни

жизни, ни людей? Всякій знаетъ, что у каждаго ученаго своя теорія, какъ у каждаго барона своя фантазія; но бароны кромѣ фантазіи владѣютъ деньгами, а потому и могутъ по своему усмотрѣнію опредѣлять производительность труда. У профессоровъ же, кромѣ фантазіи ничего нѣтъ, а потому и опредѣлять они ничего не могутъ.

Вотъ и всѣ возраженія обыкновенно повторяемыя людьми, не признающими интеллигентный трудъ производительнымъ, а его продукты—обладающими стоимостью. Какъ мы старались показать,—всѣ они основаны на недоразумѣніи. Интеллигентный трудъ по большей части не создаетъ внѣшняго матеріальнаго предмета; его продуктъ не поддается осязанію. Потребительная цѣнность продукта интеллигентнаго труда не воплощается въ какомъ либо тѣлѣ. Она не имѣетъ своего носителя, или лучше сказать, носителемъ ея являются нервы человѣка. Продуктъ интеллигентнаго труда тѣсно связанъ съ человѣкомъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваемъ съ живымъ мускульнымъ трудомъ. Въ физіологическомъ смыслѣ эти два понятія тождественны; оба они существуютъ самостоятельно только въ моментъ своего обнаруженія, когда они неразрывно связаны съ организмомъ работника. Минуту спустя мускульный трудъ уже существуетъ въ видѣ матеріальнаго объекта, а умственный, удовлетворивъ потребности, для которой предназначался, совершенно перестаетъ существовать. Такое эфимерное существованіе продуктовъ интеллигентнаго труда не мѣшаетъ имъ обладать стоимостью; оно не мѣшаетъ также накапливать эту стоимость въ организмѣ человѣка. Процессъ накопленія труда въ организмѣ рабочаго мы называемъ его образованіемъ. Врачъ прежде чѣмъ лечить, долженъ много затратить работы на свое обученіе. Эта послѣдняя не выражается внѣшнимъ образомъ, она осѣдаетъ въ самомъ организмѣ квалифицированнаго работника и уже затѣмъ, при обнаруженіи имъ своего труда, переноситъ на послѣдній свою стоимость. Такимъ образомъ, стоимость всей дѣятельности врача содержитъ въ

себѣ кромѣ непосредственнаго текущаго труда, еще, кристализировавшійся въ его организмѣ, трудъ по образованію. Эта формула совершенно удовлетворила бы насъ, если бы мы имѣли дѣло съ изоллированнымъ хозяйствомъ Робинзона. Но въ буржуазномъ строѣ нѣтъ—блага, которое представлялось бы результатомъ чьихъ-нибудь единичныхъ усилій. Въ капитализмѣ стоимость создается общественной работой.

Тысячи рукъ принимаютъ участіе въ поставкѣ одного и того же блага. Продуктъ дѣятельности врача есть результаты, общественной, а не его единичной работы. Столяръ дѣлаетъ парту, на которой сидитъ маленькій гимназистъ—будущая знаменитость. Ученый пишетъ для него руководство, профессоръ читаетъ юному слушателю лекцію. Все это трудъ, не имѣющій цѣлью самого себя. Учебникъ не представляетъ изъ себя готоваго, экономическаго блага. Онъ созданъ для того, чтобы, износившись, перенести свою стоимость вмѣстѣ съ выдолбленными страницами въ голову ученика и уже въ измѣненной формѣ вылить свою стоимость на продукты дѣятельности вызубрившаго учебникъ человѣка. Слѣдовательно стоимость всей дѣятельности интеллигентнаго труженика, выразится въ трехчленной формулѣ А + В + С, гдѣ А— величина времени затраченнаго на образованіе интеллигента имъ самимъ, В—другими лицами и С—цѣль всѣхъ усилій, вѣнецъ всего производства—окончательная интеллигентная работа.

Для того, чтобы воспитать изъ мальчика будущаго доктора, нужно, во первыхъ прокормить его, во вторыхъ удовлетворить разнообразнымъ интеллигентнымъ потребностямъ, которыя для него столь же важны какъ и пища. Удовлетвореніе первыхъ потребностей какъ желудка, такъ и мысли, не можетъ войти въ счетъ стоимости производства. Человѣкъ ѣстъ не для того, чтобы сдѣлаться докторомъ. Въ стоимость производства интеллигентнаго труженика должна войти только та работа, которая потрачена обществомъ не на жизнь вообще, а на ту спеціальную жизнь, безъ которой

не вышелъ бы докторъ. Нельзя причислить къ стоимости производства интеллигентнаго труда и тѣ затраты, которыя общество употребляетъ на общую обстановку жизни. Несомнѣнно, что трудъ судьи поддерживаетъ развитіе интеллигенціи. Онъ охраняетъ личную безопасность; несомнѣнно, что также необходимъ для развитія производства въ странѣ и трудъ каменьщиковъ, строющихъ зданіе для городской думы, но какъ судья, такъ и каменьщикъ работаютъ для всѣхъ и потому трудъ не можетъ войти въ стоимость какого-нибудь отдѣльнаго продукта. Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать положеніе Родбертуса: «всеобщая услуга и помощь, которую представляетъ все общество, есть понятіе гораздо обширнѣе, чѣмъ раздѣленіе труда съ которымъ исключительно имѣетъ дѣло производство хозяйственныхъ благъ»*).

Экономисты очень много говорятъ о рискѣ вообще и въ особенности о рискѣ при затратѣ капитала на профессіональное образованіе. Еще Адамъ Смитъ находилъ», что гонораръ адвоката вовсе не такъ высокъ, какъ это думаютъ, и, что, адвокатъ, начинающій получать выгоду отъ своихъ занятій по достиженіи, быть можетъ, сорокалѣтняго возраста, не только за продолжительное и дорого стоющее свое образованіе, но и за тѣхъ двадцать человѣкъ, воспитаніе которыхъ никогда не доставляетъ никакой пользы»**), Смитъ придаетъ слишномъ абсолютное значеніе тѣмъ формамъ общежитія, въ которыхъ онъ росъ и воспитался. Онъ никакъ не можетъ освободить экономическую сущность явленія отъ исторической формы, разграничить общественное хозяйство отъ частнаго. Общественное хозяйство не знаетъ риска. Всѣ убытки, которые общество терпитъ по 9 неудачникамъ, возмѣщаются въ стоимости продуктовъ десятаго, достигнувшаго цѣли. Завладѣетъ ли счастливецъ всѣмъ результатомъ

---

*) Родбертусъ. Cur Beleichtung der socialen Frage I стр. 70,
Валентиновъ въ своей статьѣ о Родбертусѣ (от. зап. 1882 г.) неправильно истолковываетъ эту мысль Родбертуса, въ томъ смыслѣ, что продукты интеллигентнаго труда не имѣютъ стоимости.

**) Смитъ Бог. Нар. I т. 260 стр.

стоимости своего труда, олицетворяющаго также и стоимость безплодно потраченнаго другими, общественнаго времени,— это вопросъ той или другой формы капиталовладѣнія.

Съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства можно сказать только, что стоимость продуктовъ интеллигентнаго труда будетъ равна всему общественно-необходимому времени, потраченному на образованіе профессіональныхъ работниковъ. Стоимость продуктовъ интеллигентнаго труда въ той формѣ, въ какой мы ее подвергнули анализу, существуетъ внѣ историческихъ категорій.

III.

Мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда. Положеніе интеллигентнаго труда въ классической культурѣ. Переходъ къ буржуазной категоріи. Недостатки продуктовъ интеллигентнаго труда, какъ товаровъ. Величина мѣновой цѣнности ихъ. Интеллигентный трудъ— какъ помѣщеніе для капиталовъ. Кризисъ интеллигентнаго труда въ Россіи. Стипендіи и ихъ значеніе.

Мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго класса, даже самъ этотъ классъ есть явленіе историческое, созданное временемъ и мѣстомъ. Также временемъ и мѣстомъ обусловлено и распредѣленіе. Даже въ капиталистическомъ строѣ мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго класса и ея распредѣленіе три раза мѣняютъ свои законы.

Въ силу этого и капиталистическій строй долженъ быть разбитъ на три періода.

Періодъ первый—господство средняго капитала.

Періодъ второй—борьба крупнаго капитала со среднимъ, борьба, въ которой постепенно побѣда достается крупному, чѣмъ и открывается

періодъ третій—господство крупнаго капитала.

Разсматривая мѣновую цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда, мы дольше всего остановимся на первомъ періодѣ. Разсматривая второй и третій періоды капитали-

стическаго развитія, мы будемъ отмѣчать только модификаціи мѣновой цѣнности продуктовъ интеллигентнаго труда сравнительно съ первымъ періодомъ.

Въ центрѣ всего хозяйства Рима и Греціи, опорой этого хозяйства былъ классическій oikos *), несложный и простой, какъ экономическая жизнь имъ создаваемая.

Въ классической культурѣ oikos былъ дѣйствительно той клѣточкой, здоровье которой обусловливало собой здоровье всего экономическаго и политическаго строя. Палъ oikos, разросшееся производство разбило его примитивныя формы, ослабило семейные узы и вмѣстѣ съ тѣмъ рухнула вся классическая культура.

Уже къ концу классической культуры началось распаденіе труда по качеству и мѣсту, но много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ оно приняло яркія черты нашей исторической категоріи. Только на долю буржуазной продукціи выпала печальная задача превратить цѣльнаго законченнаго человѣка въ какой-то обрывокъ.

Никто уже теперь не производитъ на свое собственное потребленіе. Продуктъ труда превращается въ товаръ, этотъ послѣдній для того, чтобы удовлетворить чьи-нибудь потребности, хотя одну минуту долженъ побывать въ формѣ денегъ. «Все богатство обществъ, гдѣ господствуетъ капиталистическій способъ производства—заключается въ огромномъ скопленіи товаровъ **). Форму товара принимаютъ даже такія понятія, которыя ничего общаго съ нимъ не имѣютъ. Историческая категорія идетъ въ разрѣзъ съ разумомъ физіологіи и подчиняетъ его себѣ. Товаромъ становится живой мускульный трудъ, съ его носителемъ мясомъ и кровью человѣка, товаромъ становится продуктъ интеллигентнаго труда съ его носителемъ нервами профессіональнаго рабочаго.

Но что такое товаръ? спрашиваетъ коментаторъ Милля и тутъ же отвѣчаетъ на свой вопросъ: «или продуктъ чело-

*) Домъ, въ переносномъ смыслѣ: домашнее хозяйство.
**) Марксъ „Капиталъ" „Lur Kriti k d. P. Oc".

вѣка, или предметъ природы, обращенный въ частную собственность; въ томъ и другомъ случаѣ нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка. А трудъ? Что это такое? Тоже нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка? Продаются перчатки для человѣка, но рука человѣка не продается; продаются книги, но мозгъ писателя не бываетъ на рынкѣ... Если трудъ-товаръ, то это не можетъ быть иначе, какъ, если самъ человѣкъ-товаръ».

Продукты интеллигентнаго труда, когда они не матеріализируются внѣшнимъ образомъ, точно также не могутъ существовать отдѣльно отъ человѣка. Заплатить за урокъ не значитъ купить товаръ, это значитъ на нѣсколько часовъ завладѣть человѣкомъ. Рецептъ, прописанный докторомъ, можетъ быть втянутъ процессомъ товарообращенія, но совѣтъ доктора не можетъ быть продаваемъ. «Извѣстное состояніе или обнаруженіе дѣятельностей организма можетъ приносить человѣку или цѣлому обществу экономическую пользу, но по своей натурѣ это—вещи не продажныя, если не продаженъ самъ человѣкъ».

Но экономическимъ отношеніемъ нѣтъ дѣла до нравственнаго міросозерцанія философа. У нихъ своя логика, своя этика, своя наука. Большинство правовѣдовъ и экономистовъ буржуазнаго строя не только одобряетъ продажность труда, превращеніе его въ товаръ, но въ этомъ противоестественномъ фактѣ видитъ залогъ свободы рабочаго. Трудъ есть теперь мѣновая цѣнность. Интеллигентный трудъ точно также, какъ и мускульный. Печальный фактъ, но фактъ—dura lex sed lex. Чѣмъ же опредѣляется мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда?

Мѣновая цѣнность всякаго предмета болѣе или менѣе тяготѣетъ къ его стоимости. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, на сколько эти два понятія теперь не совпадаютъ и при какихъ условіяхъ нужно ожидать ихъ отожествленія.

Укажемъ только, что въ современномъ обществѣ производствомъ заправляютъ капиталисты.

Полученіе прибыли—вотъ единственный стимулъ ихъ дѣятельности. Если совпаденіе мѣновой цѣнности со стоимостью не выгодно для капиталиста, онъ повыситъ первую надъ второй и на рынкѣ возмѣститъ невыгоды своего производства. Если квалифицированный трудъ только переноситъ на продуктъ стоимость своей квалификаціи, значитъ онъ возвращаетъ затраты и не даетъ прибыли на нихъ. Другой капиталистъ, помѣстившій свои средства въ предпріятіе, гдѣ постоянный капиталъ не такъ значителенъ, будетъ очевидно поставленъ въ болѣе выгодное положеніе. Рынокъ возмущается противъ подобной несправедливости. Онъ надѣляетъ прибылью продуктъ, обиженный прибавочной стоимостью. Вся прибавочная стоимость распредѣляется такъ, чтобы на равныя затраты давать одинаковую прибыль. Достигается это путемъ повышенія цѣнности надъ стоимостью однихъ предметовъ и соотвѣтствующаго пониженія другихъ.

Интеллигентный трудъ какъ таковой, гдѣ капиталъ накапливается въ теченіи чуть ли не тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ приносить прибыль, долженъ конечно вознаградить своего носителя за невыгоды продолжительнаго образованія. Его мѣновая цѣнность должна быть значительно выше стоимости его производства.

Интеллигентъ получаетъ образованіе на свой счетъ или правильнѣе сказать на счетъ своихъ родителей. Эти послѣдніе, слѣдовательно, регулируютъ производство интеллигенціи. Съ дѣтства они предназначаютъ для своихъ дѣтей, ту или другую карьеру. Чѣмъ руководствуются они, дѣлая изъ своего сына доктора или купца, адвоката или фабриканта? Какіе инстинкты говорятъ въ нихъ, когда они сажаютъ своего сына за указку или ставятъ его за прилавокъ? Любовь къ обществу? Жажда знаній? Нѣтъ, въ среднемъ типическомъ случаѣ, только любовь къ дѣтямъ, любовь, ко-

торая, у различныхъ народовъ, въ различныя времена выражается далеко неодинаково.

Въ Спартѣ, гдѣ царствовалъ культъ силы, любовь къ дѣтямъ выражалась въ убійствѣ слабѣйшихъ изъ нихъ. Во время культа крѣпостнаго права, культа лѣни и паразитовъ, чадолюбивыя Простаковы, въ своей материнской нѣжности, воспитывали классическихъ паразитовъ—Митрофанушекъ. Нашъ вѣкъ—вѣкъ золота! Оно царствуетъ полновластно, подчиняетъ себѣ и душу и тѣло человѣка Что же можетъ пожелать чадолюбивый папаша своему сыну? что кромѣ денегъ? Славу, любовь всеобщій почетъ? Все это сдѣлалось теперь мѣновыми цѣнностями,—деньги же мѣновая цѣнность по преимуществу—папа между католиками. Прочтите очерки «Парижской жизни» Поля Бурже. Появленіе Альфонса Доде вызываетъ шопотъ въ парижскихъ салонахъ, имя Ротшильда заставляетъ всѣхъ вскочить съ своихъ мѣстъ. Деньги не знаютъ предразсудковъ: занятіе, которыми они добыты, не оставляютъ ржавчины на нихъ. То занятіе лучше, которое даетъ больше денегъ. Къ нему подготовляетъ отецъ свое любимое дѣтище. Если бы интеллигентный трудъ давалъ дохода меньше, чѣмъ какое либо коммерческое предпріятіе, нашлось бы очень немного охотниковъ, соглашающихся помѣстить свои капиталы подъ профессіональное образованіе своихъ дѣтей. Понизилось бы предложеніе и цѣны поднялись бы, а вмѣстѣ возвысился бы и уровень прибыли. Обратное должно случиться при чрезмѣрной прибыли. Всѣ помѣщенія для капиталовъ представляются резервуарами сообщающихся сосудовъ. Поверхность ихъ—высота прибыли непремѣнно должна держаться на одинаковомъ уровнѣ. Резервуаръ съ профессіональнымъ трудомъ не представляетъ исключенія. Онъ также сообщается со всей системой. Если трудъ адвоката оплачивается лучше, чѣмъ трудъ доктора, больше молодежи отправляется на юридическій факультетъ и равновѣсіе востановляется. Если торговецъ получитъ больше прибыли, чѣмъ интеллигентъ за-

тратившій на свое образованіе такой же капиталъ, родители предпочтутъ оставить дѣтямъ наслѣдство въ торговлѣ скорѣе, чѣмъ въ образованіи. Равновѣсіе опять востановится.

Тѣ, которые говорятъ о стремленіи культурнаго общества къ наукѣ ради наслажденій развитой мысли, пусть они войдутъ въ любой университетъ, пусть они развѣнчаютъ дипломъ въ его привиллегіяхъ *). Юные почитатели науки моментально разбѣгутся во всѣ стороны; немногіе останутся на мѣстахъ.

Но женское образованіе! Эти сотни дѣвушекъ, наводняющія учебныя заведенія, наперекоръ роковой нуждѣ, тупому равнодушію среды и злобной клеветѣ обскурантовъ— что это? Неужели торговки, разсчитавшія, что наука прибыльнѣе мелочной лавочки? Человѣкъ, внимательно слѣдившій за женскимъ движеніемъ въ Россіи, могъ убѣдиться, что оно возникло и развилось на стремленіи русской женщины къ эмансипаціи и экономической независимости. Образованіе было только орудіемъ въ экономической борьбѣ.

Мы не отрицаемъ, что интеллигентный трудъ имѣетъ нѣкоторыя выгоды, которыхъ лишены другія помѣщенія для капиталовъ. Сообразно съ этимъ будетъ измѣняться общій экономическій расчетъ. Но не нужно преувеличивать значеніе этихъ преимуществъ. Интеллигентный трудъ пріятнѣе другихъ занятій—это правда. Но съ другой стороны, обыкновенные капиталисты могутъ такъ устроить свою жизнь, чтобы совершенно освободить себя отъ всякихъ занятій. Въ общемъ, если и есть нѣкоторыя отклоненія, то они не нарушаютъ правила и мы можемъ, сдѣлавъ эту необходимую оговорку, опять сказать, что прибыль интеллигента должна быть на одинаковомъ уровнѣ съ прибылью въ странѣ вообще.

---

*) См. статью „В. В“. „Капитализмъ и рабочая интеллигенція“, От. Зап. 84 г. 2 книга.

Таковъ нормальный порядокъ. Въ буржуазномъ строѣ этотъ порядокъ никогда не осуществляется. Прибыль тяготѣетъ къ равенству во всѣхъ производствахъ, но никогда не достигаетъ его. Этому мѣшаетъ постоянное несовпаденіе спроса съ предложеніемъ.

Въ 60-хъ годахъ новыя реформы неожиданно заявили огромный спросъ на интеллигенцію. Цѣны поднялись, интеллигентный трудъ сдѣлался особенно выгоднымъ предпріятіемъ. И вотъ въ странѣ началось усиленное производство интеллигенціи. Но частная предпріимчивость была недостаточна: спросъ былъ слишкомъ великъ и неожиданъ. На помощь пришли правительственныя и общественныя учрежденія.—Щедрой рукой стали они раздавать на право и на лѣво стипендіи. Нѣсколько тысячъ дѣтей чернорабочихъ было неожиданно посвящено въ рыцари, сдѣлано интеллигентами т. е. капиталистами. Такъ возникли стипендіи, которыя потеряли уже теперь свое raison d'etre и продолжаютъ существовать по инерціи.

Однако столкуемся читатель, а то между нами можетъ произойти крупная размолвка. Ты—человѣкъ мягко-сердечный, кромѣ того ты воспитался на еще не установившейся почвѣ буржуазіи. Ты свыкнулся со стипендіей и никакъ не хочешь понять, что высшее образованіе есть привиллегія богатства. Но есть сила, которая послѣдовательнѣе, чѣмъ твое мышленіе, эта сила—капиталъ. Онъ выкуетъ изъ тебя все, что ему вздумается, онъ подставитъ какое захочетъ содержаніе подъ формальныя схемы, честнаго и подлаго, справедливаго и безнравственнаго. Если ты еще не понимаешь, что быть образованнымъ имѣетъ только право человѣкъ порядочнаго круга, твой сынъ непремѣнно пойметъ это. Да, сознайся, и твоя защита стипендіи есть не болѣе какъ выживаніе старыхъ формъ, непослѣдовательная сентиментальность. Почему, если весь міръ существуетъ для капиталиста, если для него цвѣтутъ розы и свѣтитъ солнце, почему только одно высшее

образованіе должно составлять исключеніе? Въ Западной Европѣ оно давно уже сдѣлалось наслѣдственнымъ достояніемъ буржуазіи. Когда мой товарищъ обратился къ ректору одного полуиностраннаго университета съ просьбой, принять его на казенный счетъ, тотъ наивно удивляясь, отвѣтилъ: «что же это за студентъ, который не можетъ заплатить за право слушанія лекцій»?

Стипендія въ своемъ принципѣ есть такая же субсидія правительства какъ и всякая другая, есть попытка правительственнаго вмѣшательства въ экономическій оборотъ. Мы легко соглашаемся на отнятіе этихъ субсидій лишь только намъ докажутъ, что общественныя нужды будутъ удовлетворены и безъ нихъ. Стипендіи выдаются бѣднымъ и въ нашихъ глазахъ принимаютъ филантропическій характеръ.

Когда общественный спросъ на интеллигентный трудъ меньше, чѣмъ его предложеніе; стипендіи выступаютъ исключительно съ филантропическимъ характеромъ. Но и филантропическая цѣль стипендій искажается.

IV.

Распредѣленіе. Пріятность интеллигентнаго труда не вліяетъ на его мѣновую цѣнность. Вліяніе стоимости производства. Разница между гонораромъ и заработной платой. Интеллигентъ, какъ капиталистъ.

Адамъ Смитъ, а за нимъ многіе вульгарные экономисты учатъ, что чѣмъ пріятнѣе трудъ, тѣмъ ниже должно быть за него вознагражденіе. Такое же дѣйствіе оказываютъ слава, почетъ или уваженіе, которыми обставлены нѣкоторыя занятія.

Вы слышите концертанта, вотъ онъ беретъ послѣднюю ноту. Громъ рукоплесканій покрываетъ еще не успѣвшіе замереть звуки. Вы поздравляете его. Любезность за любезность: онъ васъ приглашаетъ къ себѣ. Отправляетесь. «Трудъ этого человѣка такъ пріятенъ, думаете вы дорогой,

какое ничтожное вознагражденіе онъ долженъ за него получать. Бѣдняжка онъ съ семействомъ долженъ страшно нуждаться». Коляска останавливается и неожиданный толчекъ прерываетъ потокъ вашихъ мыслей. Передъ вами роскошная гостинница. Входите въ лучшій номеръ. По срединѣ накрытъ столъ и на немъ утонченныя вина. Если вы Зулусъ или Готентотъ, то видя, какъ цивилизованное общество награждаетъ самый пріятный трудъ, можете подумать, что награда за наиболѣе тяжелую работу должна быть царская роскошь.

Взойдите въ казармы углекопа. Что вы тамъ увидите? Но впрочемъ я не стану смущать ваше благодушіе; я пройду мимо тяжелыхъ картинъ жизни и только резюмирую ихъ словами Ж. Симона «сказать, что жизнь во многихъ частяхъ Лондона адская, не было бы преувеличеннымъ». Вы изумлены, но всетаки ищете оправданій существующимъ формамъ. Такова натура человѣка. Онъ вѣчно остается оптимистомъ. «Эти люди бѣдствуютъ, думаете вы, они воздерживаются отъ всего лишняго, даже отъ необходимаго. За то они копятъ капиталъ и потомъ будутъ вознаграждены за свое воздержаніе» Какъ бы не такъ. Раскройте любой курсъ политической экономіи. Вы узнаете, что эти полуголодные, оборванные полузамерзшіе люди страдаютъ именно потому, что они не воздерживаются. Все это пьяницы, развратники и бездѣльники. Съ кого же имъ брать примѣръ? Кто воздерживается больше ихъ? Экономистъ твердой рукой вводитъ васъ въ дворецъ Ротшильда, сажаетъ за его лукулловскія пиршества и говоритъ: «вотъ гдѣ учитесь воздерживаться, вотъ гдѣ воздержаніе создаетъ богатство». Зулусъ или Готентотъ, принялъ бы это за шутку и, возвращаясь къ своимъ дикимъ собратьямъ, порядочно бы поразсказалъ имъ объ остроуміи бѣлыхъ. Но мы съ вами люди цивилизованные, а потому и признаемъ все это понятнымъ, разумнымъ, справедливымъ. Мы не похожи на провинціала дурнаго тона, останавливающагося передъ каждымъ окномъ петербургскаго

магазина. Насъ ни чѣмъ не удивишь и не такіе виды видывали. Не удивляемся мы и тому, что чѣмъ труднѣе и непріятнѣе работа, тѣмъ меньше получаетъ человѣкъ, исполняющій ее. Съ олимпійскимъ спокойствіемъ мы будемъ изслѣдовать причины этого естественнаго явленія.

Продукты интеллигентнаго труда точно также, какъ и живой мускульный трудъ, въ мѣновомъ хозяйствѣ, не существуютъ для удовлетворенія потребностей своихъ носителей. Они должны быть отчуждены, обмѣнены на деньги. На послѣднія уже покупаются нужные продукты. Отсюда заработная плата рабочаго и гонораръ интеллигента. Многіе публицисты подводятъ оба понятія подъ одни и тѣ же законы и видятъ между ними только количественную разницу. Какъ заработная плата, такъ и гонораръ представляютъ собою мѣновую цѣнность или стоимость мускульнаго и нервнаго труда. Нервный трудъ стоитъ обществу дороже и потому мѣновая цѣнность его выше. Другой разницы, по ихъ мнѣнію нѣтъ. Еще Адамъ Смитъ утверждалъ, что гонораръ адвоката долженъ быть выше заработной платы, такъ какъ долженъ покрывать издержки по образованію. Разсуждать подобнымъ образомъ значитъ смѣшивать два понятія, между собой ничего общаго не имѣющія, отожествлять часть съ цѣлымъ. Продуктъ *) интеллигентнаго труда можетъ стоить на рынкѣ очень дорого часть мѣновой цѣнности, попадающая въ руки работника, можетъ въ это время быть очень мала. Мы надѣемся показать, что въ подобномъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, что оно представляется даже логическимъ выводомъ дальнѣйшаго развитія капитализма.

Если бы между заработной платой и гонораромъ была только та разница, на которую указываетъ классическая эко-

---

*) Мы безразлично выражаемся: продукъ интеллигентнаго труда или иногда интеллигентный трудъ. Эта терминологія не имѣетъ существеннаго значенія.

номія, гонораръ всей жизни и заработная плата всей жизни должны бы были совпадать. Гонораръ за часъ труда можетъ быть выше заработной платы за то же время. Но превышеніе соотвѣтствовало бы въ точности тѣмъ часамъ труда, которые интеллигентъ въ юношествѣ работалъ, не получая вознагражденія. За одинаковую рабочую жизнь мускульный и нервный работникъ должны бы были получить одинаковое вознагражденіе. Милль смутно чувствуетъ, что дѣло не такъ просто, какъ его представлялъ Смитъ: «Существуетъ естественная монополія въ пользу работниковъ, по спеціальнымъ занятіемъ противъ чернорабочихъ; она бываетъ причиной, что разница платы превосходитъ иногда въ нѣсколько разъ то количество, какое бываетъ достаточно для простаго уравновѣшенія выгодъ. Если бы чернорабочіе могли вступать въ соперничество съ работниками спеціальныхъ занятій; просто только принявъ трудъ выучиться дѣлу, то разница платы не могла бы превышать сумму нужную на вознагражденіе ихъ за этотъ трудъ по обыкновенному разсчету вознагражденія работы. Но тотъ фактъ, что требуется курсъ обученія, хотя бы обученіе требовало и небольшихъ расходовъ или что работникъ долженъ значительное время содержаться другими средствами, а не платою за трудъ—этотъ фактъ вездѣ уже достаточенъ, чтобы отнимать у массы рабочихъ людей возможность таковаго соперничества» *).

Слѣдовательно сущность дѣла заключается въ томъ, что чернорабочій является представителемъ труда: интеллигентъ—представителемъ капитала. Первый получаетъ только ту часть цѣнности своего продукта, которую даетъ ему капиталистъ; второй завладѣваетъ всѣмъ результатомъ своего труда. Заработная плата есть часть мѣновой цѣнности продуктовъ мускульнаго труда, распредѣленіе ея; гонораръ есть вся мѣновая цѣнность интеллигентнаго труда. Строго говоря, нельзя даже гонораръ дробить на издержки производства и прибыль.

---

*) Милль „Ос. Пол. Эк. 1 т.“.

Эти понятія тѣсно связаны съ трехчленнымъ распредѣленіемъ продукта, которое сильно видоизмѣняется въ примѣненіи къ интеллигентному труду. Интеллигентный работникъ не получаетъ прибыли. Онъ просто производитъ больше, чѣмъ потребляетъ. Онъ не капиталистъ въ формальномъ смыслѣ этого слова. Онъ не покупаетъ живой человѣческій трудъ съ цѣлью перепродать его кристаллизированнымъ. Онъ не выжимаетъ ни изъ кого сыворотку прибавочной стоимости. Сверхъ—стоимость своихъ продуктовъ онъ создаетъ въ потѣ лица своего и трудами рукъ своихъ. Въ своемъ лицѣ онъ соединяетъ и капиталъ и трудъ, тѣмъ не менѣе интеллигентный рабочій четырежды капиталистъ. Онъ капиталистъ *) потому, что въ обществѣ, расколотомъ на два лагеря капитала и труда, нельзя быть индиферентнымъ къ этимъ двумъ категоріямъ. Пролетаріатъ смѣло можетъ воскликнуть «кто не за меня тотъ противъ меня». И дѣйствительно, уму воспитанному на понятіи барыша, процента, прибыли трудно отрѣшиться отъ нихъ въ какой нибудь частной сферѣ явленій. Кустарь, артель, ремесленникъ, интеллигентъ всѣ разсчленяютъ свой доходъ на капиталъ и прибыль. Такъ велика способность общихъ учрежденій отчеканивать формы мысли, что эти послѣднія съ своей стороны становятся творческими началами и въ прокустово ложе своихъ схемъ стремятся уложить искалѣченныя явленія жизни, ничего общаго съ ними не имѣющія. Интеллигентный рабочій—капиталистъ, во вторыхъ потому, что въ строѣ гдѣ другіе не имѣютъ средствъ производства, обладать ими значитъ находиться въ привеллигированномъ положеніи. Онъ капиталистъ, въ третьихъ потому, что на рынкѣ мѣняется не эквивалентами. Стоимость интеллигентнаго труда гораздо ниже его мѣновой цѣнности, а разность между ними покры-

---

*) Мы употребляемъ выраженіе капиталистъ для болѣе удобной и наглядной аналогіи. Но строго говоря лучше интеллигента назвать монополистомъ или рентьеромъ.

ваютъ другіе рабочіе. Онъ капиталистъ наконецъ потому, что въ производствѣ интеллигентнаго труда принимаетъ участіе все общество; въ его распредѣленіи одинъ только интеллигентъ.

Интеллигентъ больше получаетъ, чѣмъ даетъ. Это дѣлаетъ его рентьеромъ, отожествляетъ съ капиталистомъ. Но онъ все таки долженъ что нибудь дать обществу, иначе рискуетъ умереть съ голода. Слѣдовательно интеллигентъ только отчасти живетъ на распредѣленіе прибавочной стоимости. Его доходъ въ другой части есть эквивалентъ, созданнаго имъ.

Интеллигенція выступаетъ съ двоякимъ характеромъ: по скольку въ гонорарѣ она получаетъ эквивалентъ своей работы—она производительна, по скольку она получаетъ ренту—она живетъ на респредѣленіе прибавочной стоимости. Писатели, отрицающіе производительность интеллигентнаго труда, изъ послѣдовательности должны признать, что интеллигентъ живетъ исключительно на прибавочную стоимость.

Законъ заработной платы слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы нуждаться въ нашихъ доказательствахъ. По этому закону интеллигентный человѣкъ долженъ получать лишь необходимое для своего существованія. Все остальное долженъ брать капиталистъ или въ качествѣ покупателя труда, или въ качествѣ потребители его продуктовъ. Но этого мало. Получая скудное вознагражденіе, интеллигентъ долженъ былъ бы отдавать все время на какое только способенъ умственный трудъ безъ быстраго разрушенія организма.

Въ жизни случается какъ разъ обратное. Интеллигентный человѣкъ трудится три четыре часа и за это получаетъ комфортъ, если не роскошь. Одного этого грубаго, чисто эмпирическаго разсужденія совершенно достаточно, чтобы показать пропасть раздѣляющую въ современномъ строѣ, гонораръ отъ заработной платы, трудъ нервный отъ мускульнаго. Интеллигентъ стоящій на вершинѣ лѣстницы квали-

фикаціи труда: докторъ, адвокатъ, профессоръ почти все свое вознагражденіе получаютъ въ видѣ прибыли на вложенный въ нихъ капиталъ. Осадокъ заработной платы, остающійся за вычетомъ прибыли, будетъ такъ малъ, что мы смѣло можемъ его приравнять къ нулю. По крайней мѣрѣ мы можемъ это сдѣлать для практическихъ выводовъ. Мы смѣло, слѣдовательно, можемъ сказать, что плата получаемая докторомъ, адвокатомъ есть прибыль на его капиталъ.

Интеллигентный классъ въ своемъ гонорарѣ долженъ воротить весь капиталъ затраченный на его образованіе съ прибавкой обыкновенной прибыли. Но что вѣрно относительно всего класса, невѣрно относительно того или другаго его члена. Одинъ можетъ получить больше, другой меньше. Каждый, затрачивающій на свое образованіе, рискуетъ своимъ капиталомъ, но за то имѣетъ шансы получить большую, чѣмъ обыкновенно прибыль. Плюсъ и минусъ взаимно сокращаются и интеллигенція какъ классъ не чувствуетъ потери или выигрыша отдѣльныхъ своихъ членовъ.

Талантъ не составляетъ исключенія. Для того, чтобы выработать одного талантливаго артиста, обществу приходится кормить сто человѣкъ, изъ которыхъ девяносто девять пропадаютъ безслѣдно. Въ буржуазно-свободномъ обществѣ каждый изъ этихъ девяностодевяти человѣкъ содержится на свой счетъ т. е. тратитъ на свое воспитаніе собственныя деньги (хотя конечно содержится не своимъ трудомъ—это совсѣмъ другое дѣло). Счастливецъ достигшій успѣха, получаетъ въ вознагражденіе за свой талантъ не только прибыль на свои расходы, но и на капиталъ затраченный па 99 неудачниковъ. Стоимость производства таланта знаменитаго пѣвца или художника опредѣляется всей суммой потраченнаго времени—отсюда высокій гонораръ знаменитаго пѣвца. Въ рабовладѣльческомъ обществѣ художники и пѣвцы составляютъ собственность своихъ господъ, воспитываются на ихъ счетъ. Хозяева терпятъ убытки по 99-ти неудачнымъ ар-

тистамъ, а потому пользуются выгодами одного удавшагося. *Этимъ объясняется, что квалифицированный* трудъ рабовъ по *своему вознагражденію* не *разнится* отъ обыкновеннаго труда.

Въ буржуазномъ обществѣ, какъ мы сказали, большинство *интеллигентныхъ* людей получаютъ образованіе на свои *средства. Они пользуются и прибылью.* Но не нужно забывать, что это только частная форма—часть, а не цѣлое. Рядомъ съ ней мы можемъ себѣ представить и другую, когда средства для интеллигентныхъ работниковъ доставляются государствомъ или капиталистомъ. Они же получатъ и прибыль, а на долю интеллигента выпадетъ только заработная плата, достаточная лишь на удовлетвореніе его первыхъ потребностей Ниже мы докажемъ, что въ такой формѣ не только нѣтъ ничего невѣроятнаго, но что она логически вытекаетъ изъ основныхъ законовъ капитализма.

Резюмируемъ всѣ выводы. Интеллитентъ, прежде всего—работникъ, и какъ всякій работникъ—онъ производителенъ. Онъ производитъ стоимость, при обмѣнѣ ея онъ получаетъ больше, чѣмъ даетъ. Стоимость интеллигентнаго труда ниже его мѣновой цѣнности. На всю разность интеллигентъ эксплуатируетъ другихъ рабочихъ, живетъ распредѣленіемъ ихъ прибавочной стоимости. Но, въ качествѣ производителя стоимости, онъ непосредственно участвуетъ въ производствѣ страны, наравнѣ со всѣми другими работниками. За это онъ получаетъ гонофаръ, который, строго говоря, не есть ни заработная плата, ни прибыль на капиталъ, ни то и другое въ совокупности. Но въ силу особыхъ условій капитализма, гонораръ долженъ быть разсматриваемъ, какъ заработная плата и прибыль. Первая составляетъ только ничтожную его часть Въ огромнѣйшей части средства къ жизни, получаемыя интеллигентнымъ работникомъ, представляются прибылью на его капиталъ. Всѣ законы, регулирующіе прибыль, регулируютъ и доходы интеллигента. Что же такое интеллигентный работникъ въ современной фазѣ капиталистическаго

развитія? Замаскированный капиталистъ, получающій прибыль при выдѣленіи труда изъ своего организма. Говоря короче, интеллигентъ есть капиталистъ.

«Стоило тратить на это такъ много времени! Да и кто же этого не знаетъ?» ропщетъ нетерпѣливый читатель. Ужъ будто вы такъ дорожите своимъ временемъ, что полное и систематическое изложеніе предмета, положимъ даже набившаго оскомину, не можетъ претендовать на ваше вниманіе. Кромѣ того, я сильно сомнѣваюсь, чтобы это вы знали. То есть, пожалуй, вамъ часто приходилось слышать, что интеллигентъ есть тотъ же капиталистъ; такъ часто, что вы вообразили будто прекрасно знаете это. Но согласитесь вѣдь это не мѣшаетъ вамъ, пріѣхавъ съ двухъ-часовой практики, развалиться на мягкомъ диванѣ съ сигарой во рту и, обращаясь къ своимъ домочадцамъ, разглагольствовать о прелестяхъ трудовой жизни и заработаннаго куска. Если хоть разъ съ вами случалось что нибудь подобное, то право вамъ не мѣшаетъ хорошенько призадуматься. Кромѣ того, мнѣ нужно было систематически обозрѣть стоимость интеллигентнаго труда, условія присвоенія интеллигентнымъ работникомъ всей мѣновой цѣнности своего труда и многаго другаго. Если для этого я долженъ былъ перевернуть ворохъ избитыхъ истинъ, виной-не я, а та внутренняя связь, въ которой находятся всѣ важнѣйшіе вопросы экономіи. И безъ того мимо многихъ изъ нихъ я пролетѣлъ, какъ на курьерскихъ.

V.

Перепроизводство Неудачники. Случайныя занятія Добровольцы Вліяніе субсидій

Цѣны интеллигентнаго труда не такъ чувствительны къ спросу и предложенію, какъ цѣны обыкновенныхъ товаровъ. Въ значительной степени онѣ сдерживаются обычаемъ.

Излишняя конкуренція врачей или адвокатовъ не понижаетъ гонорара за ихъ трудъ, она не раздѣляетъ общей платы между всѣмъ классомъ Новые пришельцы должны остаться внѣ рынка или выбить оттуда старожилъ. Если у доктора нѣтъ мѣста, а имя его не гремитъ среди паціентовъ, можно съ увѣренностью сказать, что ему некуда приложить своего капитала, что онъ пролетарій. Пройдетъ нѣсколько времени, капиталъ его освободится и будетъ приносить обычную прибыль. Почти всѣ молодые люди перебывали въ подобномъ положеніи временнаго пролетаріата. По продолжительности період̑а, когда интеллигенту приходится сидѣть у моря и ждать погоды, мы можемъ себѣ составить точное понятіе объ экономическомъ положеніи интеллигенціи.

Но уже въ первомъ періодѣ развитія капитализма мы встрѣчаемъ среди интеллигентныхъ работниковъ людей, трудъ которыхъ оплачивается немногимъ лучше, чѣмъ обыкновенный мускульный. Они задавлены капиталомъ и влачатъ жалкую жизнь нищеты. Кого, кого здѣсь нѣтъ! Въ одну кучу свалены и мелкіе дѣятели литературы и учителя всевозможныхъ наукъ, «за столъ и квартиру» предлагающіе свои услуги. Такой разноперстный массы «именъ и лицъ, племенъ, названій, состояній» не объединено ни въ какомъ другомъ классѣ. Что же ихъ объединяетъ? На какомъ экономическомъ началѣ зиждется эта часть интеллигентнаго класса, обреченная на жалкое существованіе? Образованіе сопряжено съ рискомъ. Не всѣ гонющіеся за дипломомъ получаютъ его; большая часть отстаетъ на дорогѣ. Трудъ этихъ неудачниковъ имѣетъ очень незначительную мѣновую цѣнность. Послѣдняя не регулируется уже стоимостью производства и можетъ быть неизмѣримо ниже ея.

На томъ же основаніи стоимость производства не регулируетъ и мѣновую цѣнность случайныхъ временныхъ занятій.

Если адвокатъ получаетъ высокій гонораръ, то только потому, что въ противномъ случаѣ никто не готовилъ бы себя къ адвокатской дѣятельности. Но есть профессіи, къ ко-

торымъ никто себя не готовитъ, или по крайней мѣрѣ спеціально не готовятъ. Ими занимаются случайно, такъ сказать, мимоходомъ. Лучшимъ примѣромъ этихъ занятій могутъ служить частные уроки. Никто не готовитъ себя къ нимъ, такъ какъ это очень не выгодное помѣщеніе для капитала. Рынокъ переполненъ лицами, временно предлагающими свои услуги на этомъ поприщѣ. Вы готовитесь въ доктора и даете уроки, изучаете юриспруденцію и даете уроки, слушаете лекціи въ техническомъ институтѣ и даете уроки.

Предложеніе труда репетиторовъ зависитъ не отъ спроса на него, а отъ совершенно постороннихъ причинъ При подобной независимости предложенія отъ спроса, цѣна на уроки можетъ быть понижена до какихъ угодно размѣровъ. Въ политической экономіи мы на каждомъ шагу можемъ наткнуться на подобнаго рода отклоненія рыночной цѣны отъ естественной стоимости. Во всѣхъ случаяхъ, когда предметъ, кромѣ главной стоимости, имѣетъ еще побочную, эта послѣдняя опредѣляется случайно спросомъ и предложеніемъ. Если хозяинъ стада держитъ овецъ для стрижки, количество его стадъ будетъ зависить отъ спроса на шерсть. Предложеніе овечьяго мяса будетъ регулироваться не спросомъ на него, но совершенно побочнымъ обстоятельствомъ: спросомъ на шерсть. Количество репетиторовъ также нормируется спросомъ на адвокатовъ, докторовъ и проч. Потому ихъ можно стричь, какъ барановъ. Въ большихъ центрахъ, гдѣ тысячи молодежи притекаютъ въ университетъ, цѣны на уроки сбиты до невѣроятно малыхъ цифръ. Люди, обреченные всю жизнь заниматься репетиторствомъ, обречены на жизнь пролетаріевъ

Также мраченъ и непригляденъ бытъ тѣхъ интеллигентныхъ профессій, которыя пополняются добровольцами. Стоимость производства уже не регулируетъ цѣну ихъ труда. Выработать изъ себя грамотнаго фельетониста стоитъ очень не дешево и однако спеціальные фельетонисть большинства газетъ почти умираютъ съ голода. Зачѣмъ же они тогда го—

товятся въ фельетонисты? Въ томъ то и дѣло, что никто не готовится. Дилетанты и добровольцы такъ сбили цѣну на литературный трудъ, что заниматься имъ спеціально не представляется никакой возможности. Онъ можетъ дать подспорье для жизни, но не содержаніе.

Капиталъ, нужный для какой нибудь профессіи, въ той или другой формѣ можетъ ссудить государство и тогда гонораръ этой профессіи будетъ подчиненъ общему закону заработной платы. Англійскіе экономисты 40-хъ годовъ говорятъ объ этомъ времени, какъ уже о прошедшемъ. Адамъ Смитъ говоритъ, что въ XIV вѣкѣ духовенство большей частью воспитывалось на счетъ общества. По его вычисленію, плата каменьщикамъ «была гораздо выше платы викарному священнику».

Большинство перечисленныхъ категорій интеллигенціи, не смотря на то, что затратили на свое образованіе болѣе или менѣе значительныя средства, не получаютъ на нихъ дохода, а существуютъ заработной платой. Они—капиталисты и пролетаріи въ одно и то же время Но такое ненормальное положеніе интеллигента не есть типическая черта перваго періода капитализма. Оно составляетъ аномалію. Въ среднемъ интеллигентъ представляется монополистомъ.

VI.

Борьба крупнаго капитала съ мелкимъ. Пониженіе мѣновой цѣнности интеллигентнаго труда. Пониженіе гонорара. Государственная и общественная служба. Сравненіе перваго періода со вторымъ. Извлеченіе прибавочной стоимости на рынкѣ.

Интеллигентъ—капиталистъ. Судьба капитала—его судьба. Но судьбы капиталистовъ не одинаковы. Участь Ротшильда и мелкаго промышленника въ капиталистическомъ строѣ далеко не однородны. Одинъ съ каждымъ днемъ долженъ богатѣть, барыши другаго будутъ уменьшаться не по

днями, а по часамъ. Знаменитый Гейне очень удачно остритъ: «если ты имѣешь много, будешь имѣть больше. Если у тебя мало, ты имѣешь право отдать это малое». Пропасть между крупнымъ и мелкимъ капиталистомъ, разъ образовавшись, будетъ рости съ ужасающій быстротой, пока первый не сосредоточитъ въ своихъ рукахъ всѣ богатства міра, а второй не смѣшается въ пестрой массѣ пролетаріата. Владѣя прекрасными машинами, закупая все оптомъ, сокращая расходы во всѣхъ отрасляхъ производства, крупный капиталистъ со временемъ совершенно вытѣснитъ своего менѣе богатаго конкуррента Онъ будетъ производить продукты дешевле. Чтобы конкуррировать съ своимъ соперникомъ, мелкій капиталистъ долженъ безпрестанно понижать цѣну своихъ продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыль. Предметъ стоитъ ему 50 часовъ труда его рабочихъ, но сосѣдъ, благодаря большимъ размѣрамъ капитала, тотъ же предметъ можетъ продать за 40 часовъ. Что дѣлать? Приходится уступить, приходится довольствоваться меньшимъ, чтобы удержать за собой хоть что нибудь.

Капиталистъ, правда, любитъ поговорить на тему, что не получай онъ достаточной прибыли, у него не было бы стимуловъ для производства. Онъ посыплетъ пепломъ главу свою и удалится въ пустыню. Но вы, читатель, можете на этотъ счетъ быть совершенно спокойны. Капиталистъ болтаетъ, самъ не понимая, что онъ говоритъ. Откуда въ самомъ дѣлѣ берется представленіе о достаточной прибыли? Если фабрикантъ получаетъ меньше прибыли, чѣмъ онъ долженъ получить въ другомъ производствѣ, прибыль ему покажется недостаточной, занятіе невыгоднымъ. Но всякая прибыль будетъ достаточной, если нельзя получить больше, и до тѣхъ поръ, пока капиталистамъ будутъ давать какую нибудь подачку, они съ жадностью будутъ хвататься за нее. Даровому коню въ зубы не смотрятъ. И вотъ мелкому капиталисту некуда помѣстить свои средства. Онъ мечется изъ производства въ производство и вездѣ находитъ одно и то же.

Прибыль съ каждымъ днемъ падаетъ. Будучи капиталистомъ, онъ все больше становится похожимъ на пролетарія. Но есть помѣщеніе, въ которомъ крупный капиталистъ не можетъ побить мелкаго. Даже болѣе. Это помѣщеніе не можетъ капитализировать значительной суммы и, по самому своему характеру, должно быть мелкимъ производствомъ.

Рѣзче всего подъ этотъ типъ подходитъ интеллигенція. Въ докторѣ, адвокатѣ, учителѣ можетъ быть капитализирована опредѣленная сумма и, если у васъ 10 милліоновъ рублей, изъ васъ выйдетъ такой же хорошій докторъ, какъ, если бы вы располагали только 20 тысячами на свое воспитаніе. Потому интеллигентный трудъ представляется послѣднимъ убѣжищемъ для мелкаго капитала. Выбиваемый отовсюду, онъ хватается за послѣднюю соломинку. Наплывъ людей, стремящихся получить высшее образованіе, теперь уже не вызывается спросомъ на него. Если бы спросъ прекратился и тогда бы наплывъ долженъ былъ продолжаться. Предложеніе теперь превышаетъ спросъ и мѣновая цѣнность интеллигентнаго труда падаетъ ниже его естественной стоимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и гонораръ интеллигента. Въ другихъ отрасляхъ производства цѣна продукта падаетъ потому, что общество нашло возможнымъ дешевле производить его при помощи крупныхъ организацій. Въ интеллигентныхъ профессіяхъ дѣло обстоитъ иначе. Никакого усовершенствованія не произошло. Общество въ лицѣ людей, получающихъ высшее образованіе, затрачиваетъ столько же труда; но эти послѣдніе не могутъ требовать вознагражденія за свои затраты, такъ какъ рынокъ переполненъ. Куда бы они не переносили свои капиталы, вездѣ на стражѣ стоитъ крупный капиталистъ, борьба съ которымъ непосильна. Чѣмъ больше падаетъ прибыль мелкаго капитала, тѣмъ больше наплывъ въ интеллигентныя профессіи, тѣмъ болѣе понижается гонораръ послѣднихъ. Пониженіе уровня прибыли мелкаго капитала происходитъ параллельно во всѣхъ

резервуарахъ сообщающихся сосудовъ. Остановки быть не можетъ: капиталистическій принципъ дѣйствуетъ съ неумолимой логикой. Мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда съ каждымъ днемъ будетъ спускаться ниже ихъ стоимости. Второй періодъ капиталистическаго строя—есть слѣдовательно періодъ отрицанія стоимости интеллигентнаго труда. Къ первому періоду онъ относится какъ антитеза къ тезису. Вмѣстѣ съ паденіемъ мѣновой цѣнности падаетъ и прибыль. Еще долго интеллигентъ будетъ получать образованіе на свои средства, еще долго онъ будетъ капиталистомъ, но прибыль съ каждымъ днемъ будетъ уменьшаться, пока не дойдетъ наконецъ до нуля. Интеллигентный человѣкъ, владѣя капиталомъ, фактически въ своемъ гонорарѣ получитъ заработную плату. Онъ будетъ и капиталистомъ и пролетаріемъ въ одно и то же время. Онъ будетъ интеллигентнымъ пролетаріемъ. Наконецъ то мы пришли къ строю, который призванъ осуществить несообразность, уже теперь завоевавшую себѣ право гражданства въ разговорномъ языкѣ. Только при крайнемъ развитіи капитализма профессіональный рабочій будетъ капиталистомъ и пролетаріемъ въ одно и то же время.

Въ западной Европѣ, гдѣ капитализмъ сдѣлалъ несомнѣнные успѣхи, переполненіе интеллигентнаго рынка нельзя разсматривать, какъ результатъ временныхъ скоропреходящихъ причинъ. Между тѣмъ излишекъ предложенія интеллигентнаго труда тамъ не меньше, чѣмъ у насъ, гдѣ онъ пока является результатомъ кризиса. Министръ народнаго просвѣщенія въ Германіи недавно заявилъ, что ничего не имѣетъ противъ допущенія кончившихъ реальную гимназію ко всѣмъ факультетамъ, но что это неудобно по соображеніямъ чисто практическаго характера: даже теперь огромное число людей съ университетскимъ образованіемъ не находятъ себѣ занятій.

При быстромъ поступательномъ движеніи капитализма нужно думать, что время, когда мелкій капиталъ перепол-

нитъ интеллигентный рынокъ, когда мѣновая цѣнность интеллигентнаго труда упадетъ гораздо ниже его стоимости, когда гонораръ будетъ распредѣленіемъ стоимости, ея частью —что это время не заставитъ себя долго дожидаться. Во всякомъ случаѣ, оно наступитъ скорѣе, чѣмъ это думаютъ. Гонораръ начнетъ понижаться рѣзкими скачками. Теперь онъ сдерживается обычаемъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить,—обычаемъ, по которому излишекъ профессіональныхъ работниковъ не понижаетъ гонорара, а остается безъ дѣла или вытѣсняетъ съ рынка другихъ. Но капиталистическій строй разбилъ уже не однѣ цѣпи обычая. Обычай какъ плотина сдерживаетъ напоръ капитализма. Но какъ плотина же, разъ прорвавшись, обычай превратитъ постепенный и медленный переходъ въ бурный и рѣшительный.

Подъ напоромъ капиталистическаго принципа конкурренціи не устоитъ и государственная служба, съ ея опредѣленными окладами. Правда, достоинство государства долго еще не позволитъ эксплуатировать чужой трудъ, но и оно стушуется передъ полнымъ разцвѣтомъ капитализма.

Государство позже всѣхъ, но также понизитъ свои жалованья. Если оно этого не сдѣлаетъ, оно превратитъ свои должности въ синекуры, а жалованье будетъ средствомъ имѣть на своей сторонѣ преторіанскую когорту интеллигенціи. Возможна и другая комбинація, когда должности превратятся въ почетные посты и будутъ безвозмездно замѣщаться состоятельными людьми.

Общественныя учрежденія еще скорѣе, чѣмъ строго государственныя, встанутъ на коммерческую точку зрѣнія. Наши земства, не стѣсняясь, воспользовались кризисомъ интеллигентнаго труда. Мы воспользуемся уже готовой группировкой фактовъ, сдѣланной г. В. В., и можемъ лишь добавить, что послѣднее десятилѣтіе дало еще болѣе рѣзкія иллюстраціи. «Такой избытокъ врачебнаго труда сравнительно съ требованіемъ рынка естественно приводитъ къ тому, что заработная плата врачей понижается и обратно,—наклонность

медицинскаго заработка опускаться, особенно если она обнаруживается вмѣстѣ съ вздорожаніемъ продуктовъ потребленія, доказываетъ переполненіе рынка трудомъ. Первые (по крайней мѣрѣ намъ извѣстные шаги на пути уменьшенія жалованья врачей сдѣланы земствомъ губерніи по преимуществу помѣщичьей, гдѣ земскія учрежденія находятся всецѣло въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ 1882 г. Сенгилеевское земское собраніе (Симбир. губ.) открыло въ уѣздѣ новый врачебный участокъ и хотя ассигновано завѣдующему имъ обычное въ уѣздѣ вознагражденіе (1300 р.), но, въ виду большаго предложенія труда, поручило управѣ воспользоваться этимъ и нанять врача по возможности дешевле. То исполнило волю собранія и тотчасъ же нашелся охотникъ, продавшій себя за 900 рублей. Это фактъ не единичный въ лѣтописяхъ судебъ врачебнаго персонала за послѣдніе годы; въ Бессарабскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, напримѣръ, предложено было уменьшить жалованье младшему врачу больницы съ 1600 до 800 руб.; предложеніе не было принято только благодаря тому, что голоса раздѣлились поровну (Врачъ 1883 г. 7).

Одесская дума порѣшила убавить директору глазной лечебницы жалованье съ 3000 до 1500 рублей. Въ отвѣтъ на это директоръ извѣстилъ думу, что впредь онъ предпочитаетъ служить обществу безплатно. (Врачъ 1883 года изъ «Нов. Телегр.»).

Въ послѣднюю сессію Рыбинское земское собраніе на службу земству пригласило женщину-врача съ жалованіемъ 400 руб. («Рус. Вѣд.». 1883 г. 287). На Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ врачъ, жившій на линіи, до недавняго времени получалъ 50 руб. жалованья въ мѣсяцъ и извѣстную плату за каждаго больнаго, дававшую ему еще нѣсколько десятковъ рублей; прошлымъ лѣтомъ правленіе дороги уничтожило это добавочное вознагражденіе, понизивъ такимъ образомъ и безъ того ничтожное вознагражденіе процентовъ на 30 *).»

---

*) „От. Зап.“. 1884 г. 2 кн.

Потокъ капитализма сокрушитъ всѣ препятствія на своемъ пути. Ни обычай, ни государственныя, ни общественныя должности не устоятъ противъ этого потока.

Мѣновая цѣнность интеллигентнаго труда во второмъ періодѣ неизбѣжно должна значительно опуститься ниже его стоимости. Сравнимъ въ этомъ отношеніи первый и второй періодъ.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь гонораръ интеллигента составляетъ вся мѣновая цѣнность продуктовъ его труда. Все, что рынокъ даетъ за работу доктора, учителя, все безраздѣльно поступаетъ въ ихъ доходъ. Разница состоитъ въ томъ, сколько даетъ рынокъ? Въ первомъ періодѣ мѣновая цѣнность интеллигентнаго труда была выше стоимости его производства. Общество давало интеллигенту больше, чѣмъ получало и, обратно, интеллигентъ получалъ больше, чѣмъ отдавалъ. Отклоненіе цѣнности интеллигентнаго труда отъ его стоимости было подчинено общимъ законамъ отклоненія, господствующимъ надъ всѣмъ капиталистическимъ рынкомъ. Поэтому мы можемъ считать отклоненіе—нормальнымъ: тезисомъ. Второй періодъ—мѣновую цѣнность интеллигентнаго труда подчиняетъ совершенно другимъ законамъ. Онъ совершенно отрицаетъ совпаденіе мѣновой цѣнности продуктовъ интеллигентнаго труда съ ихъ стоимостью. Первая гораздо ниже послѣдней Интеллигентъ по прежнему получаетъ все, что даютъ за его трудъ на рынкѣ, но рынокъ для него неожиданно превратился въ мачиху. Интеллигентъ въ мѣновой цѣнности отдаетъ большую стоимость, чѣмъ получаетъ. Стоимость продуктовъ его труда распредѣляется между нимъ и потребителемъ. Мѣновая цѣнность по прежнему вся достается интеллигенту. Интеллигентъ противостоитъ капиталисту, какъ потребителю его продуктовъ, но не какъ нанимателю его живаго труда съ цѣлью перепродать его кристаллизированнымъ.

Подобная форма барыша въ Россіи извѣстнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было за границей. Большинство прибавочной стои-

мости въ русской экономической жизни извлекается подобнымъ же образомъ на рынкѣ, а не внутри мастерской. (Я конечно не хочу сказать, что рынокъ образуетъ новую стоимость. Это противорѣчило бы всѣмъ моимъ научнымъ взглядамъ. Я хочу только подчеркнуть два способа извлеченія дохода: путемъ покупки уже готоваго продукта за дешевую цѣну и путемъ покупки живой силы—труда).

VII.

Мѣновая цѣнность интеллигентнаго труда. Ея распредѣленіе. Положеніе интеллигенціи.

Первый періодъ, въ которомъ находился интеллигентный трудъ, былъ періодомъ капитала. Въ немъ мы встрѣчали интеллигента въ качествѣ капиталиста.

Второй періодъ, къ осуществленію котораго стремится современное западно—европейское общество *), есть періодъ интеллигентнаго капитализма по формѣ. Профессіональный труженникъ получаетъ воспитаніе на свой счетъ, но онъ не получаетъ прибыли на затраченныя средства. Подобное противорѣчіе ведетъ къ неустойчивому равновѣсію и интеллигенція должна вступить въ третій фазисъ своего развитія. Она должна превратиться въ полный пролетаріатъ Мы должны оговориться относительно того условнаго значенія, которое придаемъ дальнѣйшимъ выкладкамъ. Жизнь безконечно сложна въ своемъ разнообразіи. Предвидѣть всѣ случайности нѣтъ никакой возможности. Мы уединяемъ главнѣйшія условія и разсматриваемъ ихъ такъ, какъ если бы они были единственными. Чѣмъ ближе къ намъ эпоха, тѣмъ больше

*) О Россіи мы не говоримъ, такъ какъ не знаемъ, какое направленіе приметъ развитіе капитализма въ Россіи. При чтеніи всѣхъ послѣдующихъ главъ, мы просимъ читателя не забывать, что рѣчь идетъ исключительно о Западной Европѣ.

шансовъ, что наши выкладки будутъ для нея обязательными; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе достовѣрность превращается въ возможность. Эта оговорка уже развита нами во взглядахъ на значеніе гипотетическаго метода, но не лишнее было напомнить о ней.

Второй періодъ сначала даетъ нѣкоторую прибыль интеллигентному рабочему на затраченный въ образованіе капиталъ. Потомъ онъ не даетъ никакой прибыли и едва возвращаетъ въ теченіи всей жизни затраты. Наконецъ онъ перестаетъ возвращать и затраты. Онъ даетъ только средства къ существованію. Тогда поколѣніе интеллигенціи съѣдаетъ весь свой капиталъ и уже не можетъ дать дѣтямъ образованіе на свои средства. Но общество нуждается въ интеллигенціи. Что дѣлать? На выручку является капиталистъ, принимаетъ на себя образованіе интеллигенціи и спекулируетъ на ней точно также, какъ и на простомъ мускульномъ трудѣ. Онъ содержитъ живой нервный трудъ, какъ во время воспитанія, такъ и во время его окончательнаго проявленія. Онъ пользуется продуктами этого труда, а интеллигенту даетъ только заработную плату.

Чѣмъ опредѣлится теперь мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда?

Во второмъ періодѣ мѣновая цѣнность отрицала стоимость и, въ этомъ отношеніи, была антитезисомъ первому періоду. Происходило это потому, что усиленное предложеніе было вынуждено, а не вызывалось спросомъ. Наконецъ усиленное предложеніе, отрицавши сначала стоимость, поглотило капиталъ интеллигенціи и такимъ образомъ начало отрицать свое собственное отрицаніе. Третій періодъ является синтезомъ. Онъ возстанавливаетъ отпошеніе мѣновой цѣнности продуктовъ интеллигентнаго труда къ ихъ стоимости въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ первомъ періодѣ, но уже на другихъ началахъ. Капиталистъ теперь производитъ интеллигенцію на общихъ законахъ крупнаго производства. Теперь уже ничто не заставитъ притекать капиталы

подъ профессіональное образованіе. Теперь, въ противоположность второму періоду, мелкаго капитала нѣтъ, а образованіе интеллигенціи подчинено общимъ закономъ крупнаго капитала: конкурренціи сообразно спросу и предложенію.

Въ употребленіи, которое крупный капиталистъ даетъ своему капиталу, онъ будетъ руководствоваться общимъ экономическимъ разсчетомъ. Капиталистъ только тогда будетъ образовывать людей, когда ихъ трудъ дастъ ему такую же прибыль, какъ и всякое другое предпріятіе. Если за трудъ его доктора потребители будутъ платить недостаточно, онъ расшаркается передъ публикой и займется винокуреніемъ. Въ противоположность второму періоду, теперь нѣтъ силы, которая удерживала бы капиталъ въ профессіональномъ образованіи. При такихъ условіяхъ быстро изчезнетъ переполненіе интеллигентнаго рынка. Количество профессіональныхъ работниковъ сократится до нормы оплачиваемаго спроса. Возстановится мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда, съ которыми мы распростились на время втораго періода.

Интеллигентный трудъ займетъ на рынкѣ положеніе аналогичное съ чернорабочимъ. Капиталистъ будетъ покупать его за стоимость содержанія и перепродавать по общему закону мѣновой цѣнности. Интеллигентъ по прежнему въ своихъ нервахъ будетъ носить капиталъ, но, увы, въ карманѣ капиталиста будетъ лежать вексель на этотъ капиталъ. Мѣновая цѣнность продуктовъ интеллигентнаго труда, какъ и въ первый періодъ, будетъ выше ихъ стоимости. Но тогда вся мѣновая цѣнность попадала въ руки интеллигента въ видѣ гонорара Теперь мѣновой цѣнностью продуктовъ интеллигентнаго труда завладѣетъ капиталистъ, а вознагражденіе интеллигента будетъ только частью мѣновой цѣнности

Три фазиса интеллигенція проживаетъ въ капиталлистическомъ строѣ.

Фазисъ первый: интеллигентъ-капиталистъ.

Фазисъ второй: интеллигентъ капиталистъ—пролетарій.

Фазисъ третій: интеллигентъ—пролетарій.

Второй фазисъ отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ интеллигентъ получаетъ скудное вознагражденіе за свой трудъ; отъ третьяго онъ отличается тѣмъ, что въ немъ интеллигентъ получаетъ образованіе на свой счетъ.

Въ третьемъ же періодѣ образованіе интеллигентнаго работника есть спекуляція капиталиста. Въ какія формы выльется эта спекуляція, теперь очень трудно предвидѣть. Я считаю очень вѣроятнымъ, что возникнетъ нѣчто въ родѣ антрепризы. Капиталисты будутъ набирать молодежь, будутъ давать ей образованіе и въ вознагражденіе за это будутъ эксплоатировать ея трудъ. Пусть намъ не говорятъ, что нѣтъ средствъ законтрактовать себѣ трудъ другаго человѣка. Даже въ современномъ строѣ мы встрѣчаемъ случаи, когда хозяинъ мастерской беретъ къ себѣ на обученіе мальчика подъ условіемъ закрѣпощенія его на нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ эти случаи могутъ обобщиться и принять болѣе систематическій характеръ. Нашъ геніальный экономистъ, безпредѣльное уваженіе къ которому у меня близко граничитъ съ благоговѣніемъ, идетъ дальше. Констатировавъ, что прибыль на капиталъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ «въ платѣ за трудъ высокаго спеціальнаго характера—въ платѣ медику, или адвокату, технологу или инженеру», онъ продолжаетъ, «но и воспитаніе человѣка занимающагося самымъ простымъ чернымъ трудомъ составляетъ значительную затрату капитала. Взрослый работникъ получаетъ извѣстную долю платы собственно потому только, что взрослые работники вообще должны затрачивать часть своей платы на воспитаніе дѣтей... Не слѣдуетъ ли желать, чтобы наемный работникъ получалъ именно только рабочую плату въ строгомъ смыслѣ этого слова.... Можно придумать устройство, при которомъ такъ и будетъ. Воспитаніемъ дѣтей и приготовленіемъ молодыхъ людей для спеціальныхъ профессій можетъ заняться особенный классъ предпринимателей, которые и будутъ потомъ выручать затраченный на то капиталъ, отдавая приго-

товленныхъ работниковъ въ наемъ на такомъ условіи, чтобы работникъ отдавалъ имъ извѣстную долю изъ получаемой платы. Конечно, до этого еще не дошло, да и не дойдетъ, потому, что начинается поворотъ къ другому устройству, противоположному той формѣ, которая превозносится господствующей теоріею. Не успѣвъ дойти до полнаго развитія, она будетъ вытѣснена изъ науки и жизни принципомъ совершенно иного характера. Но если бы она не встрѣтила этого противника, она сама себя уничтожила бы своимъ развитіемъ. Она привела бы къ востановленію невольничества подъ новымъ какимъ нибудь именемъ». Такъ далеко дѣло не дойдетъ. Чернорабочій будетъ самъ воспитывать своихъ дѣтей для простыхъ занятій. Квалифицированный работникъ и интеллигентъ точно также въ своей заработной платѣ будетъ получать излишекъ достаточный, чтобы, хотя первое время, имѣть своихъ дѣтей вокругъ себя. Но весьма вѣроятно, что строй еще подвинется настолько, чтобы уровнять квалифицированный трудъ съ чернорабочимъ и оба поставить въ одинаковыя условія по отношенію къ капиталисту.

Мы уже упоминали, что интеллигентныя профессіи въ своемъ принципѣ представляютъ только видъ квалифицированнаго труда. Въ интеллигентномъ работникѣ капитализирована большая сумма, чѣмъ въ мастеровомъ, поэтому интеллигенція послѣдняя согнетъ шею подъ ярмомъ капитализма.

Мастеровые, какъ представители менѣе значительнаго капитала, вмѣстѣ съ нимъ погибнутъ раньше, чѣмъ люди профессій. Мелкій капиталъ будетъ вытѣсненъ съ рынка прежде средняго. Интеллигенція теперь еще только переживаетъ начало перехода отъ перваго фазиса ко второму, между тѣмъ какъ многія ремесла безусловно должны быть отнесены ко второму, а нѣкоторые даже къ третьему періоду. Когда интеллигенція сойдетъ въ ряды пролетаріата, она уже застанетъ здѣсь своихъ предшественниковъ, квалифицированныхъ работниковъ. Теперь интеллигентъ будетъ

окончательно пролетаріемъ. Онъ будетъ противостоять антрепренеру, какъ рабочій противостоитъ капиталисту.

Рабочая плата опредѣляется стоимостью минимальнаго содержанія. Весьма вѣроятно, что нервная работа интеллигента будетъ требовать лучшаго содержанія, чѣмъ мускульная чернорабочаго. Сообразно съ этимъ интеллигентный человѣкъ будетъ больше получать на свое содержаніе. Онъ вообще будетъ стоить капиталисту довольно дорого, а съ дорогой вещью обходятся бережливѣе. Въ общей сворѣ капитализма интеллигентъ займетъ положеніе любимой болонки. Многіе удовлетворятся этимъ положеніемъ. Но большинство? что будетъ думать большинство? Какимъ языкомъ заговоритъ оно? Какое мѣсто въ борьбѣ классовъ пожелаетъ оно занять?

VIII.

Три фазы, соотвѣтствующія экономическому положенію интеллигенціи. Первый періодъ: интеллигенція — буржуазія. Ея стремленія. Второй періодъ: переходное состояніе Характерная особенность: популярныя средства къ поднятію экономическаго положенія интеллигенціи. Періодъ третій

Экономія есть базисъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Мѣняется хозяйственная организація—становятся неузнаваемыми и нравы, обычаи, міровозрѣнія людей.

Интеллигенція переживаетъ три фазы при развитіи капитализма. Въ первый періодъ она выступаетъ въ качествѣ капитала. Экономическія ея интересы связаны съ интересами капитала, соціологическія—съ интересами буржуазіи. При подобныхъ условіяхъ третье сословіе выступило на бой съ юридическими привиллегіями перваго и втораго, подъ своими знаменами оно объединило капиталъ и мысль Капиталъ и мысль заключили между собой союзъ, въ которомъ чувства Руссо и сарказмы Вольтера дополняли то, чего не доставало звону золота.

Интеллигенція, какъ помѣщеніе для капитала, стремилась къ полной экономической свободѣ; интеллигенція, какъ мыслящій и объединяющій органъ, стремилась въ свободѣ политической найти гарантіи для свободы гражданскаго оборота; наконецъ, интеллигенція, какъ политическій классъ, опирающійся на капиталъ, стремилась возвести капиталъ на степень государственной власти. Либерализмъ экономическій и политическій совпадали.

Наконецъ капиталъ, вооруженный мыслью, породилъ 1789 годъ. Надъ Франціей пронесся ураганъ, могучіе раскаты котораго потрясли всю Европу. Теперь Франція празднуетъ столѣтіе великихъ событій.

Въ положеніи капитала съ тѣхъ поръ произошла чувствительная перемѣна. Изъ-за розъ показались шипы. Крупный капиталъ началъ вытѣснять мелкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилось и переполненіе интеллигентнаго рынка. Экономическое положеніе интеллигенціи быстро измѣняется къ худшему и она начинаетъ призадумываться.

Въ первомъ періодѣ интеллигентъ выступалъ какъ капиталистъ, сообразно съ этимъ онъ и былъ на сторонѣ капитала. Второй періодъ, какъ мы видѣли, ставитъ профессіональныхъ работниковъ въ положеніе капиталистовъ—пролетаріевъ. Интеллигенція по прежнему зиждется на принципѣ капитализма, а потому не дерзаетъ оспаривать его. Съ другой стороны, она получаетъ незначительную прибыль на свой капиталъ и это заставляетъ интеллигенцію стремиться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя подняли бы ея доходы Она не хочетъ замѣчать, что главный врагъ ея—это капиталъ, за который она еще держится одной рукой; она не хочетъ видѣть, что, признавая принципъ капитализма, она тѣмъ самымъ отдаетъ себя на съѣденіе крупному капиталу, такъ какъ близится строй, когда понятіе крупнаго капитала и капитала вообще совпадутъ. И вотъ интеллигенція впадаетъ въ цѣлый рядъ противорѣчій. Она признаетъ капиталъ и требуетъ уничтоженіе его стихіи, свободы, конкурренціи. Утѣшая себя, интел-

лигенція предлагаетъ цѣлый рядъ проектовъ для улучшенія своего положенія. Въ лицѣ классической экономіи она имѣла мужество объявить, что всѣ популярныя средства къ поднятію заработной платы не выдерживаютъ критики, что для этого нужно измѣненіе исторической категоріи. Легче лечить другихъ, чѣмъ самого себя и вотъ интеллигенція въ своемъ собственномъ дѣлѣ пробавляется палліативами, давно отверженными въ вопросахъ, къ которымъ она относилась объективнѣе. Понятно почему. Палліативы всегда на нѣкоторое время облегчаютъ боль и интеллигенція непосредственно сама чувствуетъ облегченіе. Ученый не станетъ писать, что мѣра къ поднятію гонорара никуда не годится, потому что черезъ десять лѣтъ положеніе вовстановится. Онъ хочетъ свободно вздохнуть хоть одинъ годокъ. Въ вопросахъ о рабочемъ классѣ интеллигентъ совершенно объективно разсуждалъ, что, хотя положеніе настоящаго поколѣнія измѣнится, но будущее роковымъ образомъ вернется къ тому же.

Посмотримъ, выдерживаютъ ли строго научную критику мѣры къ поднятію гонорара.

Всѣ они признаютъ капитализмъ какъ основу современной жизни и только ищутъ modus vivendi интеллигенціи при капиталистической организаціи. Приглядимся къ нимъ поближе. Несчастье интеллигенціи во второй фазѣ заключается въ излишнемъ предложеніи. Капиталу извѣстныхъ размѣровъ нѣтъ возможности держаться въ другихъ отрасляхъ производства. Нельзя ли его заставить сдѣлать то, что онъ не хочетъ совершить добровольно? Люди съ низкимъ умственнымъ уровнемъ всегда соблазняются принудительнымъ закономъ. Повелѣніе или запрещеніе въ ихъ глазахъ регулируетъ всю жизнь и упрощаетъ ее до отрицанія всякой науки. Чего кажется легче повелѣть, чтобы не было излишка интеллигенціи и не будетъ его.

Посмотримъ такъ-ли?

Принудительное правительственное вмѣшательство рѣзче всего выражается въ мѣрахъ, ограничивающихъ образованіе.

Мы беремъ это вмѣшательство въ его чистомъ видѣ, когда оно вытекаетъ исключительно изъ заботъ о благосостояніи интеллигенціи, а не вызвано «высшими соображеніями» или сословными и національными предразсудками. Мѣры, стѣсняющія образованіе съ цѣлью уменьшить предложеніе интеллигентнаго труда, когда они проводятся чистоплотно, должны выбрасывать за бортъ науки наименѣе способныхъ. При такой системѣ ограниченій общество теряетъ меньше, чѣмъ при всякой другой. Запретительными мѣрами можно дѣйствительно понизить предложеніе интеллигентнаго труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поднять его цѣну. Но что станетъ съ капиталистами, передъ которыми правительство или общество захлопнуло двери рая? Они, очевидно, должны будутъ помѣстить свои средства еще не выгоднѣе, чѣмъ въ интеллигентномъ трудѣ. Иначе они бы не предпочли этотъ послѣдній. Общество, какъ цѣлое, потеряло такимъ образомъ въ одномъ мѣстѣ больше, чѣмъ выиграло въ другомъ. Оно осталось въ убыткѣ. Повторилась извѣстная исторія съ Тришкинымъ кафтаномъ. Кромѣ того, всякая привиллегія права въ обществѣ, основанномъ на капиталѣ, т. е. на привиллегіи факта, есть дѣло времени. Она не можетъ претендовать на устойчивость. Цѣпи привиллегіи могутъ выдержать одну волну нахлынувшихъ враговъ, но за первымъ прибоемъ послѣдуетъ второй, тамъ третій, все сильнѣе, сильнѣе, пока цѣпи не лопнутъ въ непосильной борьбѣ. Кромѣ того, вопросъ о юридическомъ частоколѣ вокругъ утеряннаго эдема интеллигенціи есть вопросъ праздный. Большинство европейскихъ государствъ не могутъ у себя ввести мѣръ, стѣсняющихъ образованіе, какъ бы пламенно этого не жаждала горсть заинтересованныхъ людей.

Но предложеніе интеллигентнаго труда можно понизить и не прибѣгая къ крутымъ запретительнымъ мѣрамъ Можно устроить такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, или чтобы они, по крайней мѣрѣ, думали, что они цѣлы. Къ

чему приказывать когда можно деликатно совѣтывать. Многіе публицисты совѣтуютъ, во избѣжаніе переполненія интеллигентнаго рынка, заниматься чѣмъ нибудь попроще-ремесломъ напримѣръ, они предлагаютъ правительству услужливо раскрыть двери ремесленныхъ училищъ.

Мы не говоримъ, чтобы эта мѣра была недѣйствительна при всѣхъ обстоятельствахъ.

Когда интеллигентный кризисъ бываетъ слѣдствіемъ временнаго перепроизводства, какъ напримѣръ, теперь у насъ въ Россіи, отклоненіе русла, по которому распредѣляется капиталъ, дѣлается неизбѣжнымъ. Отклоненіе произошло бы само собой, искусственныя же мѣры, въ родѣ открытія ремесленныхъ училищъ, могутъ облегчить переходъ къ новому распредѣленію капиталовъ. Но мы разсматриваемъ не временное несчастье интеллигенціи (мало ли лекарствъ можно придумать противъ этого); мы говоримъ о томъ кризисѣ, который коренится въ самой сущности капиталлистическаго производства и, который неразрывно связанъ съ развитіемъ капитализма.

Въ немъ весь квалифицированный трудъ сбрасывается въ категорію пролетаріата и чѣмъ ниже квалификація, чѣмъ меньше ремесло или профессія требуетъ на свою подготовку, тѣмъ скорѣе члены его обратятся въ пролетаріатъ. Мелкій капиталъ будетъ выбитъ раньше крупнаго; ремесленный трудъ почувствуетъ переполненіе, раньше интеллигентнаго. Интеллигентный рабочій спускаясь со ступеньки на ступеньку по лѣстницѣ квалификаціи труда съ каждымъ шагомъ встрѣчалъ бы все больше и больше конкуррентовъ. При подобныхъ условіяхъ ему остается одно. Обѣими руками ухватиться за вершину лѣстницы, держаться за нее не смотря на всю бурю кризисовъ, наперекоръ голоду и холоду, держаться до тѣхъ поръ пока изсохнувшія руки не откажутся служить.

Если нельзя искусственными мѣрами понизить предложенія, то нельзя ли повысить спросъ? Рѣшеніе этого вопроса для Россіи и Европы не одинаково. Въ Россіи очень мо-

жетъ быть крестьянство представляетъ изъ себя рынокъ, который интеллигенція еще не научилась эксплуатировать. Можетъ быть и платежныя средства крестьянской массы легко поднять при сохраненіи экономическаго и политическаго Status quo. Впрочемъ сомнѣваемся въ этомъ. Наши изслѣдованія пока всецѣло относятся къ Европѣ. Только когда грозный окликъ Маркса «de te fabula narratur» прогремитъ и надъ Россіей, когда и она втянется въ зубчатое колесо капитализма, только тогда наши выводы будутъ обязательны для русской интеллигенціи.

Что касается до Западной Евпропы, то къ ней совершенно непримѣнимъ совѣтъ г. «В. В». перемѣстить платежныя средства. «В. В.». совѣтуетъ интеллигенціи заняться благосостояніемъ массъ и такимъ образомъ сфабриковать себѣ рынокъ. Какъ это сдѣлать? «В. В.». отвѣчаетъ: сблизить орудія производства съ рабочимъ. Отвѣтъ удовлетворительный, но не кроется ли въ немъ требованіе перехода къ другой экономической категоріи, къ категоріи отрицающей капитализмъ во всякой формѣ его проявленія, а слѣдовательно и въ интеллигенціи? Соединить орудія производства съ рабочимъ значитъ уничтожить категорію капиталистовъ и пролетаріевъ, значитъ уничтожить интеллигенцію въ современномъ смыслѣ этого слова. Радикальное лекарство, но человѣкъ призывающій къ нему, долженъ дѣлать это на основаніи другихъ принциповъ, чѣмъ полученіе достаточной прибыли на затраченный въ образованіе капиталъ т. е. чѣмъ благосостояніе современной интеллигенція.

И такъ ни одно изъ популярныхъ средствъ повышенія гонорара профессіональныхъ работниковъ не выдерживаетъ научной критики. Уменьшеніе предложенія искусственными мѣрами, не принося никому прочной пользы, вредно отзывается на благосостояніи страны.

Возвышеніе спроса есть перемѣщеніе платежныхъ средствъ, а это послѣднее не можетъ произойти безъ радикальнаго переворота, который не переживетъ и сама интеллигенція.

Но пока идутъ безплодныя разглагольствованія объ излѣченіи ромашкой интеллигентнаго кризиса, разглагольствованія, характеризующія вторую стадію развитія интеллигенціи какъ капиталиста—пролетарія, она уже переходитъ въ третій періодъ и становится пролетаріемъ чистой воды.

Теперь интеллигентъ противостоитъ нанимателю капиталисту, выжимающему изъ его нервовъ сыворотку прибавочной стоимости, теперь интеллигенція уже совершенно слилась съ остальнымъ пролетаріатомъ. Ее также эксплуатируютъ, также унижаютъ держатъ въ черномъ тѣлѣ. Интересы мускульнаго и нервнаго рабочаго вполнѣ слились. Въ борьбѣ классовъ они представляютъ одну и ту же идею—идею труда.

А борьба капитала и труда къ тому времени должна принять самый обостренный характеръ. Все общество уже раскололось на два лагеря, между которыми нѣтъ промежуточныхъ звѣньевъ. Кучка милліонеровъ съ одной стороны—огромный стомилліонный пролетаріатъ съ другой.

Этотъ стомилліонный пролетаріатъ уже не будетъ представлять грубой, стихійной силы. Онъ согнанъ въ большихъ центрахъ, онъ привыкъ къ дисциплинѣ, онъ политически воспитанъ; онъ обладаетъ огромной умственной силой: всѣми интеллигентными рабочими. Эти послѣдніе въ желѣзныхъ тискахъ капитализма употребятъ противъ него всю силу науки и искусства.

Мысль и мышцы, разъединныя по своимъ интересамъ, началомъ капиталистическаго развитія, соединяются его концомъ. Здѣсь какъ и вездѣ капитализмъ путемъ логическаго развитія доходитъ до отрицанія своего отрицанія. Зайдетъ ли дѣло такъ далеко? Не пожретъ ли раньше капитализмъ самъ себя? Это вопросы, на которые мы тщетно стали бы искать отвѣтовъ у науки въ ея современномъ положеніи. Но я смѣло беру на себя роль Касандры—я съ злорадствомъ обращаюсь къ европейской буржуазной наукѣ, къ сытой разжирѣвшей интеллигенціи, ко всѣмъ этимъ Спенсерамъ, Іерингамъ Сеямъ, et tuti quanti я говорю: «Если капитализмъ,

которымъ ты такъ восхищаешься не падетъ на зло твоей защитѣ—онъ пожретъ тебя. Онъ обратитъ тебя въ тѣхъ, надъ которыми ты такъ спокойно резонируешь, которыхъ такъ безжалостно эксплуатируешь, такъ глубоко презираешь. Интеллигенція, не довѣряйся ласкамъ капитала! Это ласки сирены. Они усыпятъ тебя капиталистомъ, а разбудятъ нищимъ.

М. М

Симбирскъ. 7 Февраля.
1890 года.